

№ 8 АПРЕЛЬ 1967 ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

12. «ЧТО ДЕЛАТЬ?» (1901—1902)

...долг передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.

В. И. ЛЕНИН

Конец 1901 и начало 1902 годов — время особенно значительных ленинских теоретических изданий. В январе Ленин выступает с критичной порочащего пухляковского проекта партийной программы. Разрабатывает ряд ее принципиальных положений. В феврале завершает книгу «Что делать?» — одно из самых значительных произведений революционного марксизма. Вскоре он заканчивает статью «Аграрная программа русской социал-демократии» — политический манифест партии рабочего класса по крестьянскому вопросу в России. Мы не сможем, естественно, раскрыть здесь все богатство идеологического содержания названных работ. Это сделано в «Истории КПСС» и научной биографии Ленина, в обширной научно-исторической литературе, посвященной данному периоду.

«На «Объединительном» съезде»

В двадцать числах сентября 1901 года в Цюрих съезжаются представители всех тогдашних левых русских социал-демократических организаций. Цюрихской искрой по слухам с Лениным представляют «Искру» и «Зарю». Восемь делегатов во главе с Плехановым выдвигают организацию «Социал-Демократ». Около двадцати участников совещания выражают оппортунистические посылки «экономистов» и будущих. Отвечая их, революционная часть делегатов заявляет о невозможности объединения и покидает съезд.

О своих выступлениях на съезде — самых ярких в эмиграции — Владимир Ильич вспоминает осенью 1901 года в предисловии и брошюре «Логический «Объединительный» съезд», изданной в Женеве «Левой русской революционной социал-демократией». Отметил явную недобросовестность составителей «экономистской» брошюры о том же съезде, выпущенной «Союзом русских социал-демократов». Ленин подтверждает:

«...Союз не привел целимой запросов, внесенных представителями «Искры» (Фреем) в 3-е ро съезда от имени аграрного отдела «Искры» и организации «Социал-демократ». «Союз» ошибается, говоря, что «запрос» был взят обратно. Запрос состоял из двух вопросов, предложенных Фреем «Союзу» от имени двух организаций... Ни один из этих вопросов не был взят обратно, а был только изменен форма вопроса, изменена так, что вопрос превращался в резолюцию, которую можно было поставить на баллотировку... Провинный отрывок авторство опубликованный в брошюре текст вопросов, предложенных «Искрой» на «Объединительном» съезде «Союзу русских социал-демократов». Составленные Лениным (Фреем), они требуют от «экономистов» ответа:

— Намерен ли и момент ли «Союз русских социал-демократов» взять на себя организацию литературной деятельности, которая дала бы возможность беспрепятственно распространять свое отделение от революционного марксизма, аносиее гутануци в свои, столь опасную для нашего движения, которая устранила бы загромождение».

Из книги В. Яковлева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АВТОБЮГРАФИИ». Начало см. «Смена», 1966, №4 21—24, и 1967, №4 1—7.

ние со скрытым и явным буржуазизмом и раболовством перед элементарными формами и стихийностью движения, неизбежно ведущие и превращение рабочего движения в оружие буржуазного демократизма?

Десять последних строк ленинского запроса содержат самый краткий конспект основных положений книги «Что делать?». В приложении к ней Владимир Ильич вспоминает об одном из наиболее характерных мнений съезда: «Судя по невольной, и сомнению, протокольной записке его речи, произнесенной 21 сентября, Владимир Ильич отменно удивительную детальность» принципиальных решений предшествовавшей съезду женевской конференции зарубежных социал-демократов, оставших «экономизмом», как и любые иные «пылкости» мнений оппортунизма в классовую борьбу пролетариата». Достаточно сопоставить запись с соответствующими отрывками книги, чтобы безоговорочно определить, кем был «один оратор», на имя которого анонимно ссылается Владимир Ильич. «Могла бы «Объединительная» съезде один из членов «Союза» заявил, что статьи в № 10 «Рабочей» Делав вызваны на новом «историческом повороте» «Союза», а чрезмерная «абстрактность» резолюции, — то один оратор имел полное право высказаться на этом. Резолюция не только не абстрактны — ответили он — а наоборот — конкретны: одного взгляда на них достаточно, чтобы видеть, что тут «ного-то ловили».

Это последнее выражение подало повод и характерную эпизод на съезде. С одной стороны, Борис Кричевский ухватился за слово «ловили», решив, что это — обмолвка, выходящая другой умствес с нашей стороны («подставить ловушку»), и патетически воскликнул: «Ного же известно, кого тут ловили!» — «Вот, в самом деле, ного!» — иронически спросил Плеханов. — «Я полагаю недогладности товарища Плеханова», — отвечал Б. Кричевский, — а обидно ему, что тут ловили редакцию «Рабочей» Делав (общий хохот). Но они не дали себя поймать (замечания слева: тем хуже для вас)!..»

О том же съезде и демagogических выступлениях «экономистской» лидеров вспоминает Владимир Ильич в воспоминаниях на совещании расширенной редакции «Пролетария»: «...слова без крайних обвинений, и всегда инциденты оттопа кутлами с вопросом чести. Помню слыны с Кричевским в 1901 году... все набрасывали на меня с иронией о чести. Дело не в чести, а в том, что в процессе борьбы люди дезорганизуют свою фракцию и организуют новую... А о чести здесь говорить нечего. А к этому привык: меня уже четвертый раз ругают...»

«...Почему Владимир Ильич взял себе псевдоним «Ленин»

Весной 1904 года редакция многогрудных газет сотрудников Московского Комитета партии «Коммуны» попросила Надежду Константиновну рассказать, как возник у Владимира Ильича его литературный псевдоним «Ленин». 10 мая в газете появилась статья Кругослав:

— Я не знаю, почему Владимир Ильич взял себе псевдоним «Ленин» — никогда его об этом не спрашивала.

Мать его звали Мария Александровна. Умершую сестру звали Ольгой. Ленинские соображения были уже после того, как он взял себе этот псевдоним.

На Ленин съезде не было.

Вероятно, псевдоним выбран случайно, вроде того, как Плеханов писал однажды под псевдонимом «Волга».

Не думаю, что Владимир Ильич придавал особые значение псевдонимам.

Писал он ведь раньше под псевдонимом «Кудин», выступал под псевдонимом «Карлов».

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок четвертый
Выходит два раза в месяц

АПРЕЛЬ 1967 [958]

Не чудился Ленин и смысловых псевдонимов титла.

— Болшевик. Мирнин. Наблюдатель. Не-депутат. Не-либеральный. Сметатель. Постройщик. Постройщик. Постойный читатель. «Правды». Почти прииревец. Правдист. Русский коммунист. Трудовой. П. о. «Правды». Статистик. Читатель. Читатель «Правды» и «Кучки».

Использовал он и множество самых неожиданных псевдонимов...

В ряде случаев он самими разнообразными способами сокращал свои псевдонимы:

— Б.Фр. (Фрэн), К.-в. К.-л.-о. К.-в.-о. К.-в.-о. (Карпов, М.-т. М.-т.-м. К.-т.-и. М. Тушин), М.-и. Н.-ов (И. Константинов), Р. С. (С. Ситин).

Учено и более трудны для понимания псевдонимы, переведенные на английский, итальянский, немецкий и французский языки или транскрибированные латинскими буквами.

Что касается псевдонимов Но в историю революции Коммунистическая партия... политическая мысль Владимира Ильича вошел под именем Ленин. Впервые он избрал этот псевдоним для статьи «Странный вопрос и критика» «Правды», над которой работал с июня по сентябрь 1901 года.

Первые главы статьи под заглавием «Господа «критики» в аграрном вопросе» появились на страницах № 2—3 журнала «Заря» в декабре 1901 года.

Одну же 22 октября Владимир Ильич впервые подписывает под своим литературным именем очередное письмо к Плеханову. Еще 13 сентября он пишет из Мюнхена в Ивановку как «Петров». Еще в начале октября переписывается с Лениным в Цюрихе как «Фрэн». А две недели спустя публикует статью письма к Плеханову гласит:

— Яму иречно уру. Ваш Л. И.

Там подписано и письмо ему же от 11 ноября. 3 марта 1902 года эта подпись встречается у Владимира Асельдору 5 мая о принадлежности Владимиру Ильичу нового псевдонима узнает в Париже и Григорий Дейдасев, 14 июля — в Петербурге Лавров Асельдору. В середине июля в Петербурге — Иван Раевичев. С тех пор почти все конспиративные письма Владимира Ильича неизменно подписываются как «Ивановка» или в марте и, видимо, к этому времени уже распространяется и революционным псевдоним «Что делать?».

История появления псевдонима, что Владимир Ильич зинствал псевдоним у... агронома Сергея Ленина, к трудом которого он обратился, работая над статьей об аграрном вопросе, не принять эту гипотезу. Во-первых, данная статья не содержит сведений о трудовом названии автора. Во-вторых, литературный псевдоним по самой своей природе нельзя механически заместить другим литератором, иначе ни в литературе, ни в полемических или даже литературно-мистификационных целях. Наконец, третьим аргументом является «сельскохозяйственные орудия и машины» упоминается Владимир Ильич среди других работ, которые «писаны специалистами агрономов», еще в книге «Развитие капитализма...», вышедшей, как известно, под псевдонимом «Петров». Аргумент для ленинских научных трудов. На различные работы этого автора Владимир Ильич неоднократно ссылается в своей книге почти за пять лет до того, как сам впервые подписывается именем Ленин — сначала в письмах, а потом и в печати. Остается только согласиться с Крутой и ответить от необоснованных попыток вывести скальпюль убедительное объяснение выбора Владимиром Ильичем именно этого псевдонима из многих и многих возможных...

«...Споры о программе между Плехановым и мной»

К зиме 1902 года относятся страстные дискуссии между Лениным и Плехановым по поводу принципиально противоположных программ Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. О работе искровцев над ее проектом Ленин рассказывает еще весной 1902 года в статье «Аграрная программа».

«...вся наша редакционная коллегия (т. е. и группа «Освобождение труда») после выхода в печать выработкой коллективной, редакционной проекта программы нашей партии. Выработке эти затнулись отчасти вследствие разных партийных и индивидуальных интересов, отчасти вследствие необходимости особого съезда для всестороннего обсуждения программы и законена только в самом последнем времени.

Несмотря на то, что программа была провозглашена на партийном съезде, она не расквашивалась от этих споров, а органически сплеталась с ними, утвердившись окончательно неписанным и неперепроверяемым. Я должен поэтому добавить, что у меня есть документальные данные о спорах наших об обсуждении проекта программы, и эти данные я прикладываю опубликовать.

Что касается 1902 года и заметки «История программы», то Плеханов, будучи охлажденным отчасти из-за деления шестери пополам при споре о программе; 2) что я отстоял и отстаивал включение программы в состав программы нашей партии, а не производства группным. Плеханов хотел органи-

читьсь расквашивать выражением в духе замечания «Все же и менее»; 3) что я отстоял и отстаивал замену термина «трудящиеся и эксплуатируемая масса» тарарином «продолжающиеся», где речь шла о классовом характере нашей партии; 4) что я отстоял и отстаивал, что в шестери упрели его за недостаточность вымышленный пролетарский характер партии в его проекте программы, а Плеханов настаивал, что я понимаю пролетарский характер партии по-старински.

К дискуссиям с Плехановым Ленин возвращается и в сентябре 1902 года, в предисловии и поручу тому собранию.

«...спору о программе между Плехановым и мной велись три редакции...вопрос о включении в программу пункта о необходимости партии или трудящихся классов вообще, причем я настаивал на включении пункта о необходимости пролетарского характера партии...»

В этих случаях было чисто теоретическое спору о включении в программу пункта о включении между большевистскими — ленинскими — меньшинствами в дискуссиях о понимании стратегии и тактики рабочего движения партии в русской революции.

«Сводка искровской тактики»

«Что делать?». На этот решающий вопрос, который историческая постановка перед рабочим классом России и его политической партии. Ленин отвечает в книге, начатой в начале 1902 года и законченной зимой 1902 года. Ее теоретическую историю и главнейшие положения можно найти в предисловии, датированном февралем 1902 года.

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному разбору программы, выработанной шестерью в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 года). И мы должны прежде всего признать название, читатель, в отношении содержания данного тома (и повторенного в ответ на многие тактические запреты).

Главной темой ее должны были быть три вопроса, поставленные в статье «С чего начать?». Именно вопросы о включении в программу, одной стороны, «экономики» о наших организационных задачах, другой стороны, о включении в ряды наших организаций. Впервые эти два вопроса были поставлены в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 года). И мы должны прежде всего признать название, читатель, в отношении содержания данного тома (и повторенного в ответ на многие тактические запреты).

Главной темой ее должны были быть три вопроса, поставленные в статье «С чего начать?». Именно вопросы о включении в программу, одной стороны, «экономики» о наших организационных задачах, другой стороны, о включении в ряды наших организаций.

Впервые эти два вопроса были поставлены в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 года). И мы должны прежде всего признать название, читатель, в отношении содержания данного тома (и повторенного в ответ на многие тактические запреты).

Социал-демократическая типография в Лейпциге, где печатались первые номера «Искры».

ИСКРА

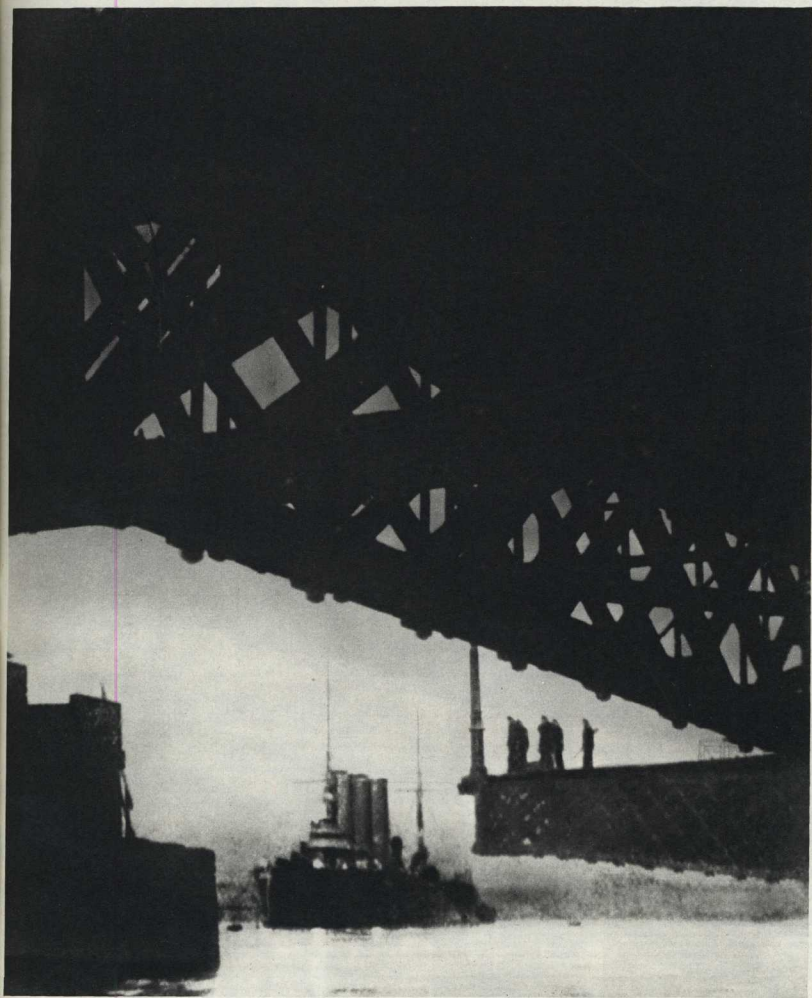
ИСКРА

Статья В. И. Ленина «Пасущие задачи нашего движения», напечатанная в первом номере «Искры»

Как известно, в общей сложности учтено сто пятьдесят ленинских литературных и эпистолярных псевдонимов. Среди них не только Стригин, но и:

— Б. В. Курганов. В. Иванов. В. И. Иванский. Т. Петра. Н. Иванов. Н. Карпов. М. Тушин. И. Мирин. М. Мер. И. Константинов. Н. Ленинский. А. Линин. И. Линин. О. Сивова. П. Ржевский. Р. Сидин. Яков Рихтер. В. Вильям Фрэн...

ВЕСНА, НАЧАЛО ЖИЗНИ, ЗДРАВСТВУЙ!

Звенят и прыгают ручьи;
Сосульки падают и плачут;
Грачи, как черные мячи,
По полю вспаханному скачут.
И земля, словно кружева,
Покрыла первая трава.

Еще в лесу покой и тишь,
Лишь дятел дробный стук
Еще наутро, поглядишь,
На крышн легкий иней выпал,
Ночами мерзлая луна
Глядит в холодное
пространство...
Природа перемен полна,
Она не знает постоянства.

Но сколько солнца! Им полно
Глухое озеро до дощца,
Им полон мир. Повсюду

солнце:
Оно врывается в окно,
Смывая зимнюю истому,
Подобно ливню золотому,
Обрушивается оно
На спящий лес, на теплый луг,
С небес, залпых ярким

светом...
То холодом повеет вдруг,
То вдруг пахнет теплом и

летом,
И леса темная душа
Оттаивает не спеша.

Туман по пахоте плывет,
Сталбом клубится на болоте.
Земля готовится к работе,
Всей грудью дышит и живет.
Земля заботою полна...
Весна, начало жизни,

здравствуй!

Земля — твой дом.
Входи и властвуй,
Будь в нем хозяйкою, весна!

Владимир ПАВЛИНОВ

Фото В. ГИПЕНРЕЙТЕРА и Г. СМЕХОВА

Владимир СОКОЛОВ

Послание

Как будто предка странный след.
 Как будто казнь, как будто
 мимость.
 Боязнь быть первым с детских лет
 Во мне, как в первоце, таилась.

Она тем более росла,
 Чем меньше было оснований.
 Ни от побед не утасла,
 Ни от гордыни упований.

Ступая vašею стезей,
 Ее чуть видимым протопотом,
 Всех, кто прошел передо мной,
 Не чути ни в розинцу, ни оптом.

Я знаю, первый был вторым,
 Второй был третьим и четвертым.
 Неповторимо повторим,
 Живой соперничает с мертвым.

Имея смелость быть последним,
 Имею честь вам сообщить,
 Что есть предлог вдвоем почитать
 Их память прожитым наследьем
 Моем и ваших постояньств,
 Моя пленительно чужая.

Вот я пришел, гудки пространств
 Медлительно опережая.

Имею смелость у огня
 Вам сообщить, что жить не
 странно,
 Что очень поздно, очень рано
 Вы где-то видели меня.

Я понимаю, Белый лист
 Подвластен истинам и бредням.
 Но уважителен и чист
 Страх перед первым и последним.

Песня

Какими красивыми были
 Мальчишки семнадцати лет,
 Которых еще не любили,
 Которых давно уже нет.

Летели над ними разрывы,
 Осколки великой войны.
 Но все же они,

мальчишки,

любы,

Как живы отцы и сыны.

Какими красивыми были
 Девочки семнадцати лет,
 Которых еще не любили,
 Которых давно уже нет.

Летели над ними разрывы,
 Осколки великой войны.
 А все же они,

девочки,

любвы,

Как дочери и как сыны.
 Какими красивыми были,
 Таковыми и в действую уши.
 А там, где мы их хоронили,
 Там красные маки взойшли.

Свершаются сказки и были
 В созвездьях боев и побед...

Такими красивыми были
 Ребята семнадцати лет.

Опять с непогашенным светом
 Короткие ночи делю...
 Не надо. Не думай об этом.
 Я больше тебя не люблю.

Я вижу из этого мира,
 Где нет ни тебя, ни меня,
 Как где-то мертвет квартал
 Беззвучная в топоте дня.

Там пыль оседает на книги
 И плавают нежная моль,
 Я так не люблю эти мглы,
 Их теплую, легкую боль.

Я вижу из третьего дома,
 Как в том отзвучавшем доме
 Там ветрено и незнакомо
 Мы сидели по одному.

Как будто влюбленные тени,
 От нас молчаливо уйдя,
 Там ночь короват в измене,
 Друг с друга очей не сводя.

Живут они в облаке света,
 Как смерти, бовсь темноты,
 Два призрака, два слуга.
 Но это не я и не ты.

Я знаю: и то наваждение
 Сойдет, как по мнею след.
 И все же я не сплю до

мгновения
 Когда они выключат свет.

На крайнем юге, солнечном и синем,
 Так много листьев глиняных, любя,
 Октября уж наступил. Но не для них.
 А мы их все же так весело поинем.
 И улети на север, на восток,
 Где испытанье выдержат на ветхости,
 Желтеет каждый болдырский листок,
 Как библиографическая редность.

Старатели

Не забывай.

Он худ, устал и молод,
 На твой истер затеняется невзначай.
 Прижим его. Пусть уголет голод,
 Из котелка прихлебывает чай.
 Утежь его. Скажи, что туговато
 И сам порой затягивал ремень.
 Но только жаль, скажи, что рановато
 Он потерял красало и кремень.
 Что сам свой путь прошел ты пады
 за падыю.

И, словно сказку, повтори опять:
 «За Черной падыю и за Синей падыю,
 За Белой падыю — Золотая падыю...
 В его глазах плясать шмелям будет
 От твоего огнища огоньки!
 Весь опыт свой, что плоти не забудут,
 С чем и забвению спадить не зруки,
 Отдай ему».

А посох и огинво

Он сам возьмет, не выжда до утра,
 Когда задремешь ты небожливю,
 Согреть его у своего костра.

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

Рисунки В. АРОНИНА

Весна на Арбате

Слет и рывачина...
Разве так можно!
Римей прошево вши
собяник
Подчеркнула весна,
Остановилась
Первой строчкой.
А в доме сквозняк.
Дом снаружи красив и
опрятен.
Но тазам на его чердаке
Все трудней
Географию пятен
Сохранил.
На лепных потолке.
Все течет...
Полушарье размыло
У амура над левым
печем.
В перекройку
Наружного мира
Дом и этиж уже
вовлечен.

Ты выходишь,
Снимаю перчатки.
Кто-то новый уже
Тут как тут.
Говорит:
На Собачьей площадке
Должен быть
Через десять минут.
Вот запаса.
Она непереложна.
Ах, доверчивый
провинциал!

Кто-то шутит.
Но разве так можно!
Вместо водки —
Имчал.
Ты кдешь.
И какое-то время,
Как злобный,
И он за тобой.
«Это там!»
За заборами там
Вздых кувалды.
А день голубой!
Он берется в
В жарких летяе.
Пыль возлетает
В тающий снег.
В этом доме, как сын
золотые...

В этом доме...
Он был или нет!
Я нду тебе.
Влажны и гулки.
Оглушает меня
Вечера.
Просто выбили
Те перерулки.
Те назаваня
И номера.
Сколько писем
Любим и привета
В это лето
Вернется
Назад.
Адрес выбыл.
Но ждите ответа,
Если мена на земле
Адресат!

Первый иней

Дерева черные стояли
На желтом дерне и листве.
Их ветки черные торчали
В пустой и голой синеве.

Дерева черные качались,
Как только воздух напылял.
А птицы белые бросались
Вверх, точно в тающий провал.

Я утром вышел в этот сад.
Он, весь заросший белым мохом,
Просид, чтоб даже легким
вздохом

Я не нарушил тишь оград
И взлетел серых воробьят.

Ни тропки нет. А я и рад
Тому, что все, как в белой шапке,
Там, где лишь день день тому назад
Дерева черными стояли.

Забыл про хлынувшую стужу,
Белеет сад, едва дыша,
Как будто ялена наружу
Дерева чистая душа.

Пруды

Один, играючи в изысканность,
Стоит за кошек бел собак.
А я люблю люблю живность,
Вплоть до лягушек и до жаб.

Когда в деревце, отсудаясь,
Закрывает нзба в туманный час.
Вздывают хоры лягушачьи
Свои симфонии у нас.

Там изумляются солисты
Голосовой своей игре.
Там, между лялий, иречитсы,
Воркует жабушчи в кире.

А как возмутятся сразу все
Во славу тина и прудов,
Петух, затканный на насте,
И тот соперничать готов.

Ему мерещится, что, хмуриь,
Лябля и двор и березюк,
Уже помаринают курас.
Склоний, мол, Пета, гребешюк.
Но куры спят.

А я не сплю.
Я очень музыку люблю.

А рюкот, цокот, гогот, пыл
Летят над вшиными садами,
Ляд, иван и над прудами,
Плекуа до потерси сил.

Да что там!
Даже словей
Вам подтвердит тепло и гниво:
В тварской губернии моей
Что ни лягушка — то царевна.

Это человека хорошо знают в Карпатах и на Памире, в Сибирии и на Тянь-Шане. Он занимается, быть может, самой таинственной и поэтической отраслью геологии — лубдиной тектоники, иначе — строения земной коры, «малым космосом», как любит говорить геолог. Уроженец сибирской деревни, он исколесил тольмаре, написал признанный объемистый труд и немало стихов. Позаим — второе дело всей жизни Эрнста Портнягина. И если как геолог он широко известен, то как поэт Портнягин выступает впервые. И мне хочется, чтобы стихи этого трудолюбивого ученого из Львова пришли по душе читателя «Смены».

Станислав КУНЯЕВ

Эрнст ПОРТНЯГИН

ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА
С
ПОЭТОМ

Зимовье

Что такое зимовье!
Сруб, избышка и земляника,
безвременная времянка,
благодатное июль.
Кто, когда, в каком году
их построил — неизвестно,
только заповедь одну
птушки соблюдают честно:
они оставят в уголке
иль на полочку положат
все, что сыщется в рюкзаке
и другим оставить может.
Сливки, маргало и соль,
хлеб, консервы и картошку —
каждый выделит изволь
из лишнегого иванюшко.

Если ты сюда добрал
веле-душа в теле,
отойдешь, наколешь дров,
подметешь, закроешь
двери.

Доставает эта честь
птушки и иланушки,
помянут люди здесь
друг о друге добрым
словом.

И усталого мена
от бездомности всегдешней
обогреет теплом домашним
дымный воздух зимовья.

Тропа

Тропа — источник веческих надежд,
веди к открытым или заблуденным,
своего продолжения утеш,
не убивая своим исчезновением.

Тропа — соединительная нить
открытых тайн и разочарований,
и от тебя пошел глагол «тропиться»,
охотничий, бродячий, караванный.

Спасибо вам, олень и кабарга,
за след неутомимого колпыга,
тебе, изобретателю топора,
я в зарослях не раз шептал: «Спасибо!»

Спасибо человечеству за то,
что никогда не мена не сидело,
если ниль изуда-то ехало и шло
по тропам без коня и без предела...

***

Да, я не профессионал,
осознаю, что это плохо,
в моих стихах дорожный

грозот
и редкой тишины привал,
ритмичность битой колен,
размерность воющей

метели,
отсюда промахи мои,
неогаратные потери.
То перетрута струна
моей патетичной кльзиной,
то обделили мена

всевышния,
не выдал точности сполна.
Но разве я виноват в том,
что звуки лири неотделимы
от задушевости костров,
от чуживая разликм

глины.
Я скромно победить не
смог,

на повороте не впился
и безнадменно затерялся
в хмельной поэзии дорог.

О науке

Уложу в науку, уложу,
от пустых волнений отрешившись,
постоянную любовь Буку,
с временными чувствами прочуясь,
я крепость превращаю кабинет
и глазуз звонок у телефона —
«Нет, не будет! Не было и нет!»
а сегодня дома и не дома.
Для и ночи быстрый переключет,
сумерки густеют и редодеют,
бьются в черепные стенки мост
в поисках единственной нден —
первой нити на веретено
для добротной, долговечной ткани,
той, которой вольно суждено,
оправдать все существование.
А потом, оставши сил собрав,
отыскать логические формы,
чтобы в них светящийся расплал,
остывая, делал до иррм.
За полетом птуцы проследую,
с таинственною ночью попрощавшись,
заново рассветом дорожю
и к земным заботам возвращаюся.

ВЕТЕР ЗАВТРАШ- НЕГО ДНЯ

Машина, до отката набитая людьми, мчалась по пыльной дороге, трудно подпрыгивая на ухабах. Утомленные долгой едой пассажиры молчали. Никто не укачал, и они дремали, уткнув головы в колени, лишь изредка просыпаясь от сильных толчков, и недоумою озирались. Другие поинтереснее вынимали платки и вытирали посережине от пыли и усталости лица. Солнце жгло немолдоердо; густая жгучая пыль поднималась в добега раскаленный воздух, застилала глаза, забивалась в рот, в нос, мешала дышать.

Люди ехали молча: они не знали друг друга, а утомительная дорога не располагала к остротной беседе, которая зачастую облизала пассажиров, закуренных проветки вместе не один час. Народ этот был все больше простой, обремененный постоянными заботами о куске хлеба; многие впервые за долгие годы вырвались в столицу и теперь, завершив дела (кто удачно, а кто и нет), возвращались назад и мысленно все еще переживали пестрые события этого суматошного дня.

В дальнем уголке машины, зажатые между спящим стариком и мешком с пустыми тычковыми бутылками, собственно торговца, устроившегося неподалеку, ехали двое — юноша и молодая девушка. Обои на вид можно было дать лет по пятнадцати; среди остальных пассажиров они выделялись своей молодостью, аккуратной, хотя и запыленной одеждой, и еще тем, что они были единственными, и что с самого начала пути не переставал приглушенно, но очень оживленно шептаться.

Они разговаривали по-французски, потому что были из разных племен и не знали языка друг друга; зато оба несколько лет ходили в школу, где изучили французский. Правда, Марго (так звали девушку) окончила миссионерскую школу и умела писать на родном языке. Нана не мог похвастаться тем же; он учился в государственной школе, где был только один доволенный язык — французский. Вис этот молодой люд успевал уже рассказывать друг другу за время пути. Она поносила комплименты вот здесь, в машине, всего несколько часов назад, но им, как это часто бывает, когда встречаются двое хороших, открытых людей, казалось, что знакомы они уже давным-давно. Оба говорили быстро, захлебываясь, поминутно перебивая один другого. Они слышали, столько еще хотелось рассказать, а времени и их распоряжения оставалось с каждым километром все меньше. Правда, Нана уже знал, что Марго, так же, как и он, едет до конечной остановки в Эболоу. Но там, в Эболоу, увидит ли он еще эту милую, немножко робкую и такую обаятельную девушку?

Приближался вечер. Казалось, что само солнце, не выдержав дневного зноя, спешно наконец укрыться в тени виднеющегося вдаль леса. Дышать становилось легче. Листья придорожных пальм, розовые в лучах заходящего солнца, лениво колебались от легких прикосновений небезопасного отдувавшего свежего ветра.

Скоро Эболоу. Надо было решиться. И Нана решил, он наклонился к прижимавшей Марго и уже собрался было спросить, где она живет, как вдруг увидел, что по смутным, нежно округленным щекам девочки катятся две крупные слезинки. Сердце у Нана замерло, а потом заболело гулко и торопливо. Он готов был вырвать сам себя за то, что всю дорогу болтал о пустяках, не заинтересовавшись о главном: зачем Марго едла в столицу. Со свойственной чутким людям догадливостью он за эти несколько секунд понял уже, что внезапное молчание спутницы и ее слезы связаны с приближающимся возвращением домой, а значит, и с результатами поездки. Теперь Нана знал, что ни за что не расстанется вот так просто с этой девушкой, у которой такие ясные, чистые глаза, такие черные, изогнутые ресницы, нежные, пухлые губы и гладкая, цвета макао кожа. Девушке наверняка нужна помощь. Нана не знал еще, что произошло; не знал и того, как и чем поможет он своей новой подруге, но был уверен, что сможет это сделать.

Становилось прохладно. На бездночно-черном фоне неба сияли крупные яркие звезды. Город постепенно затихал, с тем чтобы завтра, как обычно, впервые расцвет (тихотворно, известная всем городом, и особенно деревням, жгущим под тропическим солнцем), снова приступить к работе. Давно уже разошлись по домам спутники Нана и Марго, а они все сидели на изъеденном муравьями одином бревне, позабытом или просто брошенном кем-то позадку пустой, полуразвалившейся хижины. Проходит много месяцев, часто годы, прежде чем подросток становится мужчиной. Но бывает, что человек мужает за часы. Так случилось и с Нана. Он сидел рядом с Марго, сторбявшись, глядя перед собой. Он не шевелился, лишь руки его, напряженно сжатые в кулаки, слегка водрагивали. Откровенный рисунок Марго потряс его. Это был тот же Нана, мальчик с черными вздувшимися глазами, широколобой, широкоскулый, тот Нана, что совсем недавно так весело болтал в машине со своей подручницей, и уже не тот. Мальчик стал мужчиной. Марго чувствовала эту внезапную перемену: она сидела, все шаживая, не смея поднять глаза, не смея взглянуть в посуровевшее лицо Нана. Почему-то именно теперь, когда она знала, что никогда больше не увидит его, — разве можно простить ей! — ей до боли хотелось удержать его, объяснить, сказать что-нибудь в свое оправдание. Соснание всего ужаса, всего позора того, что с ней случилось, снова стиснуло ей сердце, оставило дыхание, и слезы снова навернулись на глаза девушки. Но в этот момент Нана резко поднялся и заманившись, как-то хриплым, густым голосом сказал: «Тебе пора». Марго встала, перешигнула через бревно и, опустив голову, медленно пошла по направлению к своему дому.

Камин Чапено, камерунец, аспирант экономического факультета МГУ.

Рисунок В. КАРАБУТА

МАЛОЗНАМЕНИТЫЕ

Батальон форсировал замедленную Оку и овладев деревней Колодино на западном берегу реки. Но трудно было там удержаться без того, чтобы не занять соседнюю деревню Левшино, лежащую к северо-западу, на холме. Дело в том, что к Левшину вплотную подступал лес, а немцы накапливались в том лесу для контратаки. День выдался морозный и очень ясный, избы Левшино отчетливо просматривались с оклицы Колодино, но выдвигались главным образом соломенные крыши, а разглядеть, что делается в самой деревне, мешали озорные платки и густой туманчик.

Командир 830-го полка 238-й стрелковой дивизии майор Чижов приказал начальнику штаба батальона лейтенанту Булахову разведать подступы к Левшину. С Булаховым отправились четыре разведчика, вооруженных автоматами, а ему самому автомата не досталось; он имел при себе лишь гранаты и пистолет. Все надели белые маскировочные халаты с капюшонами. Дивизию пелица Булахов и его спутники были не по-зимнему смуглыми, крапиво загор.

Патеро полади, шли, прильблись, по глубокому снегу, снова полади по-пластунски. Пробирались озородами, прыгая за платнями, к крайней избе на южной окраине деревни. Как-то перепуганная женщина сообщила, что в деревне палым-палом немцев, они расположились на постой почти во всех избах. Недавно немцы кашеварили, привезли из лесу термос, сейчас солдаты обедают.

Сумерки выстро ступились, поволока послепенный декабрьский вестр, а тут еще пошел легкий снег, видимость ухудшилась, и Булахов решил воспользоваться столь благоприятными условиями для внезапного нападения.

Разведчики незаметно пробрались на северной, дальний от них край деревни, расстрелявшись, засели в риге в холодной бане, которая находилась в отдалении одна от другой. Но огонь по теслоко поочередным окнам ближних домов автоматички открывали одновременно.

Немецкие постояльцы без шинелей, без пилотки стали выскакать на темную улицу, и тогда автоматички взяли улицу под перекрестный огонь. Немцы решили, что деревня окружена, и побежали к лесу. Напуганная женщина оказалась правая: было не меньше сотни.

Булахов отправил к майору Чижову с донесением красноармейца Абишева и на всякий случай околным путем — еще одного автоматичка. Сам он вместе с Бесертиным и Остревым не давал немцам прийти в себя и по-прежнему прилежно «подметала» улицу. В руках у Булахова уже был легкий трофейный пулемет. Они втроем усердно подбирали оружие, брошенное в домах или выключилось после убийств. Когда передовая рота вошла в Левшино, уже разбежалась все фашисты, за исключением пятачковой убитых.

— Все в порядке! — кратко рапортовал своему командиру полка Булахов. Это его любимое прищелье.

Булахов со своими соратниками захватил два станковых и пять ручных пулеметов, 22 тысячи патронов.

Подпись смельчачко был востел в песне полкитора В. Ф. Ванюшина. А вскоре композитор Константин Листов написал на нее музыку. Вот эта песня.

Все в порядке

Враг сидел в деревне крепко,
Смелся грозил ее дотла.
Тройка воинов в разведку
По дороге змиевой шла.

И когда на снег и влн

Ночь легла,

Мы узнать у них хотели,

Как дела,

И ответ донесся краткий:

«Все в порядке!»

И сказал бойцам Булахов,

И сверкнул в глазах задор:

«Задарна же немцам страху

Всем чертям наперекор!»

Вот страня какую силу

Мы дали!

И страна у них спросила:

«Как дела!»

И ответ донесся краткий:

«Все в порядке!»

Шли отважные ребята

На врага смертям назло,

Ливнем путь из автоматов

Всполошили все село.

Сотня францев убежала

Из села.

Мы скорей узнать желали,

Как дела,

И ответ донесся краткий:

«Все в порядке!»

Быть такими бы всею отважным,

Этим воинам под стать.

Хорошо и нам бы так же

Научиться воевать.

Нам на запад путь-дорога

Всем легла.

И страна нам спростит строго:

«Как дела!»

И ответ услышит краткий:

«Все в порядке!»

Макар Мазаев, 1937 год

ПОДВИГ СТАЛЕВАРА

Весной 1937 года я приехал в Мариуполь, на завод имени Ильича, чтобы сфотографировать знаменитого сталевара Макара Мазаев. В то время имя его гремело по всей стране; о новаторской работе Мазаев писались статьи, ему посвящались очерки, в его честь славили стенок.

В смеле каждой
вверх его взметалла
створы и жвазда
творчества металла!
(Семен Кирсанов «Макар Мазаев».)

Я сфотографировал Мазаев у мартеновской печи, затем побывал у него дома, а на следующий день уехал в Москву.

Недавно я разбирал свой архив, и мне на глаза попались снимки, сделанные тридцать лет назад. И тут я вспомнил Мариуполь, темный мартеновский цех, пылающие печи, вспомнил маленькую, с пиднасадником жатку Мазаев и его самого — невысокого, широкотелого человека с большими, натруженными руками, вспомнил его откровенно лич, светлокаштановые волосы и синие-синие глаза.

От встреч с Мазаев у меня осталось ощущение, что он словно бы стеснялся своей славы, что в величии своей рабочей славы, что в признании не понимал, чем заслужил всенародный почет: ведь он ничего особенного не сделал — он просто хорошо работал.

...Когда началась война, Мазаев жил в Москве и учился в Проммакадемии. Он тотчас же вернулся на завод и стал у мартена. — Дочусь после, а сейчас надо стать варить! — сказал он товарищам. И ежедневно выдвигал свои прославленные «мазаевские» скоростные плавыи, в которых так остро нуджался фронт.

Фашисты заняли Мариуполь внезапно, и Мазаев не успел эвакуироваться. Немцы он ушел из города и поселился в маленькой деревенке под Мариуполем. Он радио выключил из избы, опасаясь встреч с полициами. И нитро не знал, где проводить дни и ночи самый известный и уважаемый в городе человек. В том времени в Мариуполь прибыли представители крупнопового концерна. Они пытались пустить завод, но это им не удавалось, — завод по-прежнему был мертв. Шеф полициии Шаллер решил использовать затерянет Мазаев, чтобы вернуть рабочий завод. Гестаповцы усиленно искали Мазаев и не нашли бы его, конечно, если бы не предать!... Делецанем Мазаев появился в город. Фашисты скланили его на рынке в тот момент, когда он меня вела на производство.

Шаллер делал все, чтобы сломить Мазаев и сотрудничеству. Он задерживал его продукты, передан денег, подвергал мучительным пыткам, но добиться ничего не смог.

Тогда Шаллер приказал Мазаев и мартеновской печи и приказал немедленно начать работу. Мазаев плюкнул в лицо фашисту.

А через несколько дней в геттеровцы замучили Мазаев, так и не сумев сломить его дух.

Макару Мазаев поставлен в городе памятник; его имя значится на доске, навечно приреленной к корпусу мартеновской печи № 9; его именем названа улица города.

Такова история прекрасной жизни Мазаев. Такова история его героической смерти.

Александр ЛЕСС

чувством досады, неисполненного долга я поймал тот горючок. Да, дело было сделано, материал собран, очерк о человеке из песни, вернее, из двух песен будет, но разве это то, что надо? Я убежден, что стретрия необыкновенного и в то же время очень простого человека с необычной и одновременно очень типичной судьбой. Я убежден, что создать в книге образ Алексея Булахова таням, очерк о человеке из песни, вернее, из двух песен будет, но разве это то, что надо?

Ма беседуя, и я узнаю все об одном удивительном случае из боевой биографии Булахова.

Дивизия, сильно переделавшая в Сух, отходила на новые позиции. Фронт сменился перед самой столицей, сменился для могучего ответного наступления, от которого фашисты понатыжились на Запад. Полк Булахова готовился к отходу, а Алексей должен был со своим батальоном задерживать гитлеровцев на одном из участков Можайского направления, хотя бы на несколько часов. Батальон Грозное название. А численность его — всего семнадцать человек! Против них тоже был батальон. Только полком, штаб — вооружением до зубов 780 человек! Герои заняли позицию на безымянной высоте, перекозав часовую и железную дороги.

Вы повинте, конечно, другую песню: «У безымянного поселка, на безымянной высоте?» В песне из восемнадцати строк осталось только две. Булаховцев тоже осталось двое, только из семнадцати ребят. Они были из своей воинской доты.

Множю много размышлял, делать выводы и обобщения, говорил об удивительной судьбе человека почти из двух песен. Он получил это высокое звание Советского Союза. Он получил это высокое звание не позднее, в серон четвертом году, когда с другими-гвардейцами одним из первых форсировал Иманг. А двадцать девять лет хелсей Бу-

лахов в звании полковника, кавалера двух орденов Ленина, двух орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды, орденов Суворова и леа, командовал последней операцией своего полка — десантом на косе Фриш-Неруг в апреле 1943 года. За стинной победителей был повременный, взятый штурмом Кемгсберг. Полк Булахова находился на направлении главного удара и ввел в плен семнадцать тысяч гитлеровцев из крепостного гарнизона.

— Все в порядке! — доложили в тот памятный день Булахов командующему армией генералу Галлицкому. Родине не только свою молодость. На косе Фриш-Неруг он был ранен в четвертый раз, и это не считая трех тяжелых контузий. Война закончилась для него за несколько дней до великого Дня Победы.

Он учился в двух военных академиях. Опытный, грамотный народный офицер, Алексей Анисимович, занимал должность заместителя командира дивизии, передавал все своей бригаде опыт молодого бойца и общерского. Но все чаще и чаще давали о себе знать ранения. Булахов попросил перевести его на более легкую работу и получил назначение завучем одной из кафедр в сельскохозяйственном институте. Четыре года он проработал в институте. Что бы не оставалось в стороне от того главного, основного, чем жил институт, Алексей Анисимович много и упорно изучал сельскохозяйственную науку, выезжал со студентами на практику.

В 1961 году врачи внесли окончательный приговор — отставка, и медленно.

Мы сидим с Алексеем Анисимовичем в его кабинете. Первую мою худощавый, среднего роста, подтянутый человек, которому никак не дашь пятнадцать лет года. Ануриатный, и востом сидит на нем локно, словно военный мушкетер, ботинки свиряют, галстуки туго затянут. На минуку за-

бывшись, можно представить, что мы находимся в сточинном научно-исследовательском институте, но это только на минуку. Стоит взглянуть в окно, сразу вспоминаешь: мы в селе Стадал Сития — центральной ферме совхоза «Ступинский», а передо мной не ученый, не инженер, а заместитель директора совхоза.

Как это случилось, что вы, заслуженный на войне человек, потерявший характер, попали на эту лотную работу?

И вот опять характер Алексея Анисимовича: другой бы или промолчал, или поостерился насчет пенсионероо-сидоводов. Булахов — нет, внимательно посмотрел и стал рассказывать про совхоз. «Ступинский» четыре года назад был создан из нескольких старых, запущенных колхозов. Земли были истощены, о севооборотах и не заговаривали, население поровали перебратсь в город или хотя бы на близрасположенные заводы, на железную дорогу. С организацией совхоза дела тоже поправились мало. Сверху шли непонятные приказы, порой совершенно неприемлемые. То сеять кукурузу, то полностью отказаться от пшеницы, то нерезально завышали планы сдачи зерна, совхоз их кардиало, рабочие были деморализованы, руководство менялось чуть ли не в полгода раз. А земля — главное богатство — истощалась от года к году. От совершенного недостатка удобрений, от отсутствия агрономического ведения земледелия. В результате — убытки, убытки, убытки...

Алексей Анисимович рассказывает негромко, наметает, что споминю, редко хмурится, еще реже улыбается. Очень по-деловому, очень сосредоточенно, видно, он сам еще и еще раз все продумывает, взвешивает...

В 1961 году Булахов, выйдя в отставку, получил квартиру в небольшом подмосковном совхозе Ступине. Встал проблема: как жить дальше? Без дела Алексей Анисимович сидеть не мог. Пришел в совхоз «Ступинский» и попросился на работу.

Он знал, какое трудное дело в-брат...

Он рассказывает, а я отмечаю одно характерное обстоятельство. Военные люди знают, как трудно бывает подумать отставку, чтобы спокойно приходится sich приложить, чтобы вывести ее в чело, передумать, отличных. Люди трудятся, не малые времена, сила, здоровье. «Успех есть результат длительного волевого усилия» — сказала кто-то из илсанских, и это формула очень хорошо известная и всемерно принимается людьми в армии. Именно так принял новое дело Алексей Анисимович Булахов. Он пришел в новую для себя часть, принял дела и стал трудиться там, как трудился в армии, на фронте. Служил там, где Родина поставила, с частью и достоинством. Эта заповедь солдата стала второй натурой Булахова и очень пригодилась в новой жизни.

Булахов продолжает рассказывать, а у меня начинает опять доводиться его образ. Герой войны, полковник, заслуженный человек, человек, испытанный войной, — а вы бы споминю жить, писать мемуары... И в то же время передо мной рабочий человек, труженик, словно бы начисто отбросивший свое военное прошлое, военную славу, военные заслуги. Денгит! Приходит другая мысль: нет, характер у этого человека сложный. Просто он всегда на самом первом плане: на ближнем фронте — заставлял деревню агреем, на самом геречем участие деревни оборону со своим батальоном. Он всегда агреем, никак для него невозможнимо. И еще мысли: он остался верен себе, своему характеру, но можно ли сказать, что не изменился? Нет. Переменились условия. На фронте от Булахова требовались смелость, лихость, умение принимать мгновенные, единственные правильные решения. Теперь нужны мудрость, терпеливость и неукроткая выдержка, терпение. И еще то, что связывает этих двух Булаховых того, грозных лет войны, и сегодняшнего, — вера в наше дело, любовь к народу и Родине.

Марк БАРИНОВ

Два Булахова... Тот, из храбрых лет войны, — лихой командир, смельчак, герой. Этот, сегодняшнний, — мудрый холанг, расчелный и терпеливый. Что связывает их? Беззаветная любовь к Родине, народу, родной земле.

Я Б В РАБОЧИЕ

- Здрасьте,
у вас тут
требуются
слесари,
токари...
— А ты слесарь?
— Нет.
— А кто же ты,
мил человек?
— Выпускник...

Выпускник, — значит, недобравший счастья на экзаменах в вуз. Приходит и после восьмилетки. Этим отличить безошибочно — не по росту, нет, тут они все почти показывают «баскетбольный класс», а по голосу, по тону. Восемикласснику — едва 16, и он подросток, и непонятно, куда его и как с ним быть, чему учить. К тому же в вечернюю школу загонять придется, да еще неполная рабочая смена за ним по закону — хлопот полон рот, кому нужно? Правда возможный отказ, восьмиклассник канючит:

— Возьмите... Куда же мне? Меня улица испортит...

Знают все слова! Кадровики чешут в затылок: не взять нельзя, за это иначе тоже строго спрашивают. Значит, бери, учи, инициши...

— Чего тебе в школе не сиделось! — сердится кадровик. — Гвоздь в сиденье вбил, что ли?

Сопит восьмиклассник, мнется.

Заводу не до психологических изысканий. Здесь производство, здесь план, здесь программа... А эти недоростки, как пить дать, на плане «повиснут». Но все-таки «требуются станочники, слесари и токари». И все-таки жмут на завод райкомы, исполкомы, родительские комитеты и даже пионервожатые: трудоустройте!

И начинают на заводе «поиски форм». Об одной такой «форме» мы уже рассказывали в фоторепортаже с Костромского машиностроительного завода имени Красина. Там создали учебно-производственный цех, который, в сущности, входит в состав механосборочного. Но что это значит «входит»? По сути дела, подростков отдали заводу «на доращивание», поскольку, как было подсчитано, учебно-производственный цех дает едва лишь 50 процентов выра-

ботки и что он все-таки скорее учебный, чем производственный. Да в одной ли Костроме так обстоит дело? В Челябинске, на ЧТЗ, помню, те же разговоры о 16-летних, и потом в Ленинграде, на «Электросиле», и наконец, в Харькове, на турбинном и электромеханическом.

Всюду заводские кадровики и руководители стояли на том, что брать кадры с улицы — вынужденная вещь, а спасение и верный выход — это профтехучилище, причем не только для завода, но и для самих ребят, особенно если те после восьмилетки.

Но вот ведь притча: в училищах покуда недобор... Идут в основном ребята из села, идут, чтобы стать горожанами, получить общежитие, прописку...

На всукраинском совещании по вопросам профтехобразования, которое прошло совсем недавно в Киеве, выступал председатель Госком-

**Э. ЧЕРЕПАХОВА,
С. ПЕТРУХИН (фото),
специальные
корреспонденты «Смены»**

вится сейчас важнейшим государственным делом, в котором заинтересованы и предприятия и подрастающие.

В училище № 10 православный директор Юрий Андреевич Яеуба. Он это самое училище закончил до войны, работал тут мастером и старшим мастером, окончил индустриальный техникум, потом институт «Систему» знает превосходно, но не только в том суть. Редко встречаются в таком благородном сочетании талант педагога, опыт практика и высокий уровень образования, причем уровень не застывший. Тут не залежавшийся диплом, а постоянное стремление «держаться в курсе». У Юрия Андреевича скоро выйдет «Смена» по специальности, и сам он вот-вот станет заочным аспирантом. Такой уровень директора не может не предопределять и уровень всей «учительской» и мастерской, а в конечном счете и учеников. Комсорг училища Толя Лиморов не сегодня-завтра выпускник университета, у многих преподавателей на подказах вузовские звания.

В училище свой дискуссионный клуб «Красная гвоздичка», свой духовой оркестр и оркестр народных инструментов, кружок «Юный техник» и 22 прочих кружка, потягивающая современной оборудованная современная мастерская, да и вообще учебные мастерские — это прекрасные налаженные действующие цеха. Принципы практического обучения в этих мастерских чисто мажарановский: «С самого начала делать только полезные вещи». И воплощают этот принцип в жизнь очень последовательно. Производят сверляльные, заточные станки, тиски. Портфель заказов училища ломится от писем из разных организаций и городов — «Левэлектроаппарат», Центрального конструкторского бюро по электробиологии, от того же КЭМЗ. В 1962 году училище заработало даже диплом II степени на ВДНХ, а 6 сотрудников и 3 ученика получили медали выставки за серийное освоение шитрого аппарата «ККЗ-1».

Но в мастерских будущие «волки» только начинают, вострают когти в работе токарных, слесарных, электромеханических и чертежных кабинетах. Практику они проводят на «базе», крупных современных предприятиях — электромеханическом и турбинном заводах. Это тем более разумно, что после выпуска ребята здесь именно и «протискиваются».

Только за 1963—1965 годы училище вырастило и выпустило для заводов 793 ученика.

Учат тут разным специальностям — на токарной-универсальной, слесарно-карусельной, электрослесарной, газосварочной, формационной. Учат 1—2 года — это зависит от объема. Восемиклассником — тем, кто учится дольше, разрешается заниматься уже в год обучения в вечерней школе, потому что тогда уже в основном идет практика. Для десятиклассников создано 4 группы, они учатся год, правда, электрослесарно-подольской — поодиночке. Выпускники получают 2—3 разряда. Стендентам тут немалого опыта вузовской, а во время заводской практики уже идут свои заработки. В училище учат теории (даются последние, электротехника, математика, механика, черчение) и специальности.

Спортивные занимаются физкультурой, и на базе есть спортивные площадки и площики впусов (на специальной выставке под платомом «Знает даже кроха, что все это плохое» летают искусственные пестрые синицы, альпаятые открытки, всякие слоники, искусственные цветы).

ПОСЛЕ...

тета Совета Министров СССР по профтехобразованию А. А. Булгаков и отмечал, что молодежь не бегит в профтехучилища, как говорится, «спотыкаясь и теряя калоши». То есть не идет именно в те учебные центры, кадры которых ценятся на заводах не вес золота. Почему? Причины, оказывается, разные. Например, сроки обучения на заводе короче, чем в училище, да и объем ученика иной... Опять же, пока училище кончится, в армию пора, а там, если прямо на заводе пройти всю академию, успеешь все-таки начать стаж, утвердиться в профессии. Кроме того, далеко не каждой собирается тут пустить корни. Другое дело, как это все достается заводу, а юноши или девушки являются сподручному именно так строить карьеру? Между тем стране нужны молодые современные рабочие кадры, обученные не как-нибудь, в зависимости от педагогических способностей

прикрепленных рабочих или мастеров и от стечения всяких приходящих обстоятельств, а планомерно и всесторонне. В прошлом году на развитие системы профтехобразования государство ассигновало 168 миллионов рублей. Ждут ребят в училищах, ждут выпускников училищ на заводах. Не всегда дожидаются.

Профтехучилища, кроме всего прочего, вызывает у многих родителей, совет которых нередко предвещает первые самостоятельные шаги девушки или юноши, ассоциации прежних лет: «ремеслутуз», шанитино, в синих шинельщиках, ту самую «ремесларку», в которую после войны уже чуть ли не отдавали за провинности и неуспеваемости в школе сестры трудных.

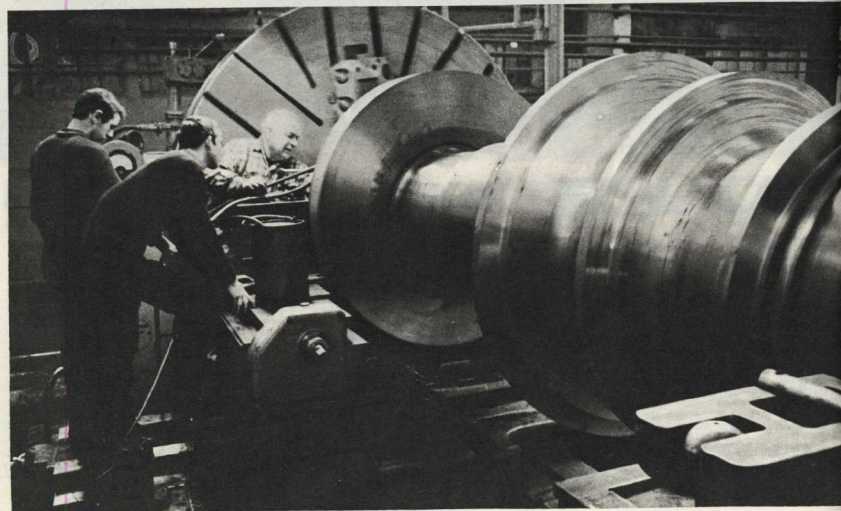
Но как-то углубимся мы из виду, что идет время, что не только формы производства, но и обучение меняются, приспосабливаясь к требова-

ниям дня, уровнем образования и сознания людей.

А реклама и вообще всяческая пропаганда этих изменений, новшества работает вяло, без выдумки. Никто толком не представляет себе, что такое профтехучилища, какие у него преимущества, где оно расположено, какими специальностями обучает и что такое сами эти специальности.

В Харькове в одном из самых крупных профессионально-технических училищ города да, пожалуй, и республики — оно значится под номером 10 — мне пришлось беседовать с ребятами из многих групп — слесарей, токарей, слесарчиков. Спрашиваешь: «Как ты сюда попал?» «А сосед сказал». «От знакомого услышала». «Отвек тут на базовом заводе, в Турбинке...» Вот такая информация.

Полнокровная, доходящая, широкая реклама профтехучилищ стано-

Ребята занимаются мотоспортом, стреляют в тире, ходят на лыжах, читают на заседаниях клуба «Красная гвоздика» свои стихи. Все это «работает на главное». А главное в том, как и какой получится из каждого специалист. Кстати, оценку этому (то есть присвоение разряда) дают не только преподаватели училища. Дипломную (пробную) работу свою ученик делает на базовом заводе, и принять ее должны начальник цеха и старший мастер. И, конечно, завод потяни не даст. К нему же потом этот самый кадар и вернется. А зачем ему недоученный?

«Проколы» бывают редко. Во всяком случае, за последние два года из 460 принятых в училище человек закончили его 459, причем 137 из них получили разряд выше предусмотренного программой, а 37 закончили с отличием. Отличней же диплом профтехучилища — это не только

же по большей части уникальное оборудование. Больше учиться негде будет и никогда...

Практический подход к делу!

Харьковский турбинный завод способен поразить воображение не только подростков. Огромные пространства цехов, куда входных через стеклянные двери, заполнены машинными расточными, карусельными, сверлильными и другими станками. Заготовки поднимают и опускают мощные краны, над ними деталями работают неделимые и целой бригадой... Это понятно: тут делают турбины — их громадные статоры, лопатки, гребни.

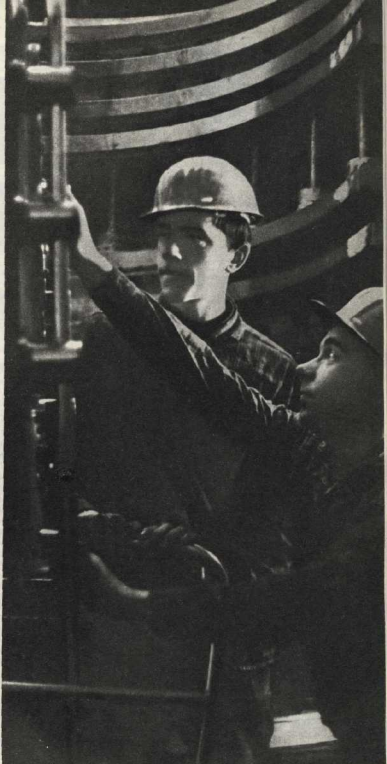
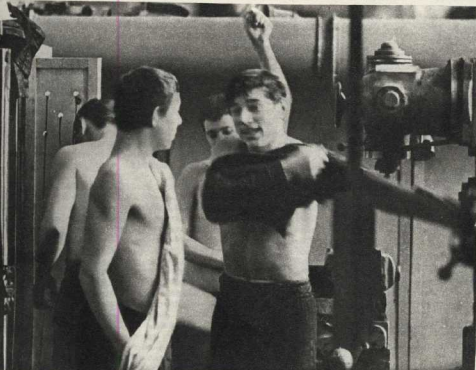
Ребята быстро осваиваются с географией завода, через недели две турбины уже знают «самые интересные места». Например, в гидротурбинном цехе есть уникальный карусельный станок.

С легкой завистью смотрят ребята

Сегодня — ученики, завтра — турбостроители.

Первая рабочая смена закончилась.

Валерий Пинусов и Анатолий Баранов стучат токарям-расточникам.

ко утеха самолюбия. Если обладатель его вздумает поступить в вуз — что при какой, получится в любых условиях, его, безусловно, предпочтут в институте всем остальным абитуриентам. Но это уж, как говорится, побочный результат.

Я разговаривала со специалистом из группы Р-6 Сашей Дудинком, которого встретили в турбинном заводе. Он стоял в яркой защитной каске возле огромного ленинградского станка, рядом с основным рабочим. Станок был открыт, кругом лежали инструменты, щетки, ковши. Шел средний ремонт. Саша сосредоточенно ассистировал рабочему.

— Саша, давай ты что-нибудь заведи практикой, давай, я поспришила я у него. Он удаленно посмотрел на меня.

— Именно что все дает! Здесь

та в карусельщика Анатолия Чмелева. Этот может 6-й разряд иметь, четвертый года уже основной рабочий, ответственность у него юткая. Если запорить мотор, представляете, что будет?! Этушку машину снимать со станка, вновь заваривать, а потом снова на карусельный... Это ж сроки! У Чмелева двое подручных. Один из них — Володя Мужиндинян, студент политехнического института. Студент-подручный... Интересно...

Так вотдово исподволь воспитывает, а иногда и перевоспитывает своих стажеров. Никогда не бывает пусто всякого место возле старшего рабочего Турбинин, гордости его и славы — токарю-аку Василию Дмитриевичу Дрожжину. Сначала приходит просто поглазеть на значимость — Героя Социалистического Труда, лауреа-

та Государственной премии, а после не могут оторваться от зрелища красивой работы, ее удивительно индивидуального стиля. Дрожжин шутит с ребятами, вызывает на разговор, а сам присматривается, выбирает учеников. За жизнь свою он не меньше полсотни парнишек сделал «от кярями по убеждению». При мне он спросил ученика-расточника Сашу Плаку: «ты дневник водил?» Плажа заморгал: «То еще зачем!» «В конце дня анализ работы делай. Посмотри, где выгнришь, где прокол. Назавтра напиши, никак, унывай».

Сначала Плажа легкомысленно замялся, представил себя пишущим дневник, потом задумался: кто его знает? Все ж тыни не кто-нибудь советуешь в Дрожжину.

Турбинный завод одним из первых в стране перешел на новую систему планирования и стимулирования. Здесь каждый экономист, ибо пришло время считать и рассуждать. Это также важно на «стажеров», приучает к хозяйскому подходу и деловитости.

Турбины с харьковского завода уходят и уходят на Волгу, Днепр, сибирские реки, за рубеж. Все это известно ребятам.

Я многих наблюдала в условиях заводской практики: Мишу Александрова, Васю Бондаревского, Сашу Дудинку, Сашу Плаку, Жаню Шеварова и многих других. Что можно сказать? Видно, что завод и училище очень заинтересованы друг в друге. Училища профтехобразования имеют специальные группы для десятиклассников, где учение построено ближе к студенческому принципу, но главный контингент составляют люди 15—16 лет, и ни от одного не услышала я слов недовольства учением или заводом. Училище сейчас — это наиболее целесообразный, разумный, интересный способ подготовки рабочих кадров, кадров, от которых требуется искусство работать точным инструментом, управлять дорогими, сложными станками, создавать главные ценности.

Чем на карьере для «молодого и современного»

Красивая работа! У станка — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии В. Д. Дрожжин.

Андрей КУЛАКОВ,
мастер спорта

ВЫСОКОЕ НА ДА СЯНИЕ

Встретила я однажды знакомого тренера. Он мес в колофаною мешочка школьские медали.

- Никак на всю колонию?
- Точно.
- А если проиграло?
- Там болел!

В краеведческом музее небольшого черноморского городка выставлена спортивная медаль образца IV века до нашей эры — бронзовый кружок с фигурой мускулистого воина. Оказывается, медаль эта была выпущена специально в честь спортивного праздника.

Когда-то в этих местах стоял цветущий город древнегреческой колонии Херсонес. Время оставило нам от него немногое. Белеют под солнцем мраморные колонны античного храма, танцуют вдоль руин поросшие полынью, пыреем, как травы, улицы. Был в этом городе и стадион. Археологи его пока не нашли. Но множество предметов, найдших и статуи говорят о том, что спортивные состязания пользовались здесь большой популярностью. Сильнейших атлетов чтили как самых уважаемых граждан. В честь победителей устраивались пышные празднества (чистая банкет), их славляли в хвалебных гимнах (то есть писали очерки), оказывали им особые привилегии (создавали условия). Единственного, чего не имели античные чемпионы, — это лент с медалями. В те времена медаль была нечто неподобное юбилейной монете. Вроде бы скромная роль. Но древние греки считали, что, выпустив памятную медаль в честь спортивного состязания, они тем самым отмечают особую важность события.

В спортивном клубе, где я работаю тренером, есть солидная тетрадь в дерматиновой обложке с этикеткой: «Амбарная книга». Она служит для учета медалей, завоеванных спортсменами нашего клуба. Меда-

ли, оприходованные в амбарной книге за истечший календарный срок, свидетельствуют о состоянии работы в спортивной организации. Таким образом, медаль выступает в новом качестве: оно становится маркером развития спорта от районного до олимпийского масштаба.

И, наконец, если во времена античного Херсонеса медаль сама агитировала за спорт, то сейчас спорт посредством печати, радио, телевидения агитирует за медали: «Спортсмены столицы собрали в прошедшем году большой урожай медалей», «...Он вновь завоевал золотую медаль в полуполном весе и тем самым подтвердил, что...», «Уже давно помер блеск медальной ленточки атлетов...», «Его единственный соперник был бронзовым медаль в эстафетном беге...» и т. д. и т. п.

Ну, а если нет никакой медали? И не предвидится?

Путь чемпиона, как правило, преподносится в виде восходящей кривой — от награды к награде. Вершина этого взлета — золотая медаль чемпиона. Есть люди, которые имеют не одну такую награду — несколько. Они герои, кумиры, идолы спорта.

Но медалей мало, а желающих много. Что давать тем, кому не досталось дефицитных медалей? Отвечаться! Бросать спорт? Статистика доказывает, что такие решения принимаются редко. И в этом нет ничего удивительного. Ведь спорт на любом уровне — соревнование, в котором обязательно должны быть и победители и проигравшие. Нет нужды доказывать, что спортивная борьба не имеет ничего общего с борьбой за существование. Она источник удовольствия, радости даже для проигравших. На зимней Спартакиаде профсоюз, проходившей недавно в Горьком, команда Магаданской области оказалась слабшей в турнире хоккеистов. Она проигрывала своим противникам с разгромными счетами. А магаданцы ходили все время, я бы даже сказал, смирленные. У них было право на поражение, они завоевали его. А ведь каждое поражение для настоящего спортсмена — шаг к победе. Это только у журналистов, путь чемпионов вымощен сплошными победами и рекордами. На самом-то деле все они тоже начинали с проигрышей, иной

раз куда более обидных и неприятных, чем у магаданцев.

Обычно грезы о славе проходят, как детская свинка, а любовь к спорту не угасает, наоборот — она растет с каждой тренировкой, с каждым соревнованием. Но чем же держится эта самая любовь, если медаль перестает быть даже мечтой?

Давайте предположим, что есть на свете прыгун в высоту Иванов. Он одного возраста с Брумельем, такого же роста и веса. И спортивный стаж у них примерно одинаков. Поначалу Иванов лелеял надежду, что взлетит высоко, но достиг только 192 сантиметра. Причем потратил Иванов на этот свой результат больше пота и упрорства, чем Брумель на свои фантастические 228. И это не удивительно: у таланта есть крылья, а Иванову пришлось тяжелым трудом развивать прыгучесть, которой бог его от природы не наградил.

К достижению спортивного результата, будь то мировой рекорд или сугубо личный успех, ведет путь каждодневных усилий, потос, радости и волнений. Спортсмен-разрядник Иванов и олимпийский чемпион Брумель дышат одним и тем же напряжением, волнуящим воздухом тренировок. Эмоции, страсти, переживания, азарт не знают разрядных границ. Спортсмен может получить неопишное удовольствие только от того, что ему удалось скватывать новую деталь техники, вымучить сложный элемент, выполнить эффектный прием.

Если бы существовал прибор, измеряющий силу любви спортсмена к избранному им виду, то по его показателям трудно было бы отличить Иванова от Брумеля. Каждый борется за свою заветную цель. Для Иванова это само по себе бы то ни стало перепрыгнуть себя хотя бы на сантиметр — взять 193. Здесь он такой же рекордсмен, как Брумель во всем мире.

Закончился соревнование, и у каждого участника остались в памяти яркие минуты напряжения, восторг удив и даже горечь неожиданного поражения. Они вызывают новые стремления, новые надежды, неудержимое желание испытать себя снова.

Но не один лишь энтузиаст оправдывают труд рядового спортсмена. Мы часто ведем на результаты только ценности большого спорта,

для которых личный рекорд Иванова — азурный брак. И как-то легко забывается, что эти самые сантиметры означают целый комплекс воспитанных качеств, очень важных для нашего социалистического общества: силу воли, целеустремленность, упорство, веру в свои силы. Не говоря уже о здоровье. И, поздравляя Иванова с личным рекордом, общество вправе ждать от него успехов и в труде и в учебе — словом, во всех областях жизни. В этом-то как раз заключается высшая цена личных рекордов тысяч и тысяч Ивановов.

Спорт становится не только любимым досугом, но и привычкой, необходимостью. А нередко и смыслом жизни людей, которым медаль не снится даже во сне. Известно много случаев, когда незаметные, беспрестанно, как их принято называть, спортсмены провалили самый настоящий героизм: возвращались в строй после тяжелых травм, жертвовали очень многим ради возможности заниматься любимым видом спорта, преодолевали любые преграды, все что угодно, лишь бы только тренироваться и участвовать в соревнованиях.

В воспоминаниях о выдающемся советском поэте С. Я. Маршале приводится его удивительный диалог с одним из молодых коллег.

— Сделайте что-нибудь необыкновенное. Изучите, например, древнегреческий язык... — сказал Маршал.

— Зачем, Самуил Яковлевич? — Длн самоуважения. Самоуважение — основа уважения. Но для этого нужны какие-то основания. Сделайте что-нибудь нелегкое и бескорыстное.

Широко известен девиз: «Главное — участвовать». Он существует не для утешения тех, кто остался без медалей. Спорт дает каждому человеку и безвестному третрераднику и прославленному чемпиону — нечто несоизмеримо большее, чем самая почетная медаль.

В помещении одного спортивного общества висела стенгазета. Мне бросился в глаза крупный, выписанный черной тушью заголовок:

О древних греках и амбарной книге

Некто Иванов — соперник самого Брумеля

Полезна ли черная тушь?

Кто они, победители спартакиады?!

«Позор!» Никто сообщалось, что команда танкетологов этого общества заняла последнее место на республиканских соревнованиях.

Спортсмен потерял поражение. Футболи его плавно, оказавшись на тринадцати долгих часах изнурительных тренировок. Но он не может, не имеет права смириться с неудачей. Ведь недаром же спорт завладел его характер, воспитал в нем и массу других важных человеческих качеств, столь необходимых в эту трудную минуту. Начинается перестановка всего сделанного, мучительные поиски новых путей. Воспитание характера продолжается. А это в конечном счете всегда приводит к успеху.

Но дело в том, что спортсмен участвует в соревнованиях не от себя лично, а представляет свою команду, свой клуб. Защищает, следовательно, не только свою честь, но и честь команды. А для некоторых спортивных администраторов любовь поражение — это дискредитация, удар по престижу, пятно. И тут уж не приходится ждать скидок на финоцидно, рассуждений о праве на поражение: «Скорее, скорее, тут у нас где-то была черная тушь. Программ штатгетли! Позор м!»

На будем браться в крайности. Нет ничего предоступительного в стремлении любого спортивного общества звать как можно больше награды. В конце концов медали для того и существуют, чтобы доставлять удовлетворения, радость. А вот когда медаль превращается в идола, когда только и ней сводятся все мечты, помыслы и что самое главное, вся работа, — даже мысль о праве спортсмена на поражение становится абсурдной.

Вот тогда-то и заводится толстенькая амбарная книга, составляются квартальные, годовые и бог знает еще какие сводки о количестве медалей — баланс парадного благополучия. И несомненно получается, что главная задача спорта — одни лишь рекорды и медали. А медали способны завоевывать только одаренные, подготовленные в особых условиях спортсмены. Вот и завязывается круг. За чертой его остались середняки (те, что медалей с небом не хватают), великозрелые (модные нынче словечко) и вообще неудачники. Все то, что там или иначе терпит поражение. Большинство, которое скрывается под столь популяр-

ным и столь же безликим словом «массовость».

Будем до конца честными: мы, спортивные журналисты, тоже немало «поробатали» над созданием этого пресловутого круга. О победителях мы пишем подробно и со вкусом. А об Иваново и его товарищах?

Разве они не заслужили почести, внимания, символических наград за свои личные рекорды (ведь любя медаль тоже всего лишь символ)? В Эстонии большой популярностью пользуются массовые личные и другие соревнования. В них участвуют буквально все, от мала до велика. По окончании соревнования, как водится, частуют победителями. Но награду получает каждый участвующий. Сегодня — это значок, завтра — памятный вымпел. Ты не только отдохнул, стал здоровее, получил удовольствие от спорта, но и завоевал награду. Вот она перед тобой — память на всю жизнь.

Значок, вымпел, красивый билет участника... Да мало ли какие еще можно придумать формы поощрения спортсмена за участие в соревнованиях! Они не потребуют большого затрат — дорого внимание, а не подорог.

Вспомните постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта» широко обсуждается нашей общественностью. Недавно я был на одном таком собрании. Но странное дело! Везде речь о спорте и достижениях основывалась на данных из жизни спортивной команд, мастеров — словом, элиты, а когда переходили к массовости, упоминали лишь такие «маркетинги», как колллективный сбор грибов, лыжные вылазки, туристские походы. Первенство по сбору грибов, вероятно, очень увлекательное дело, но увы, как правило, это эскортирует в голову организаторов сборные команды перспективных мастеров-грибников, а остальные участники — просто хорошие, но не отличные за неспособности, грибов спорту захват не корню, как бы много ни было в лесах мас-

лят и личинок. На буду голословным, приведу лишь один пример из вида спорта, который мне всего дороже и ближе.

Несколько лет назад самым массовым в нашей стране видом спорта была гимнастика, во занималось два миллиона человек. А в последнее время — всего 900 тысяч. Восьмью, что сейчас цифра являющаяся. «Спорт молодежи», звучит гордые возгласы на совещаниях, пленумах, в прессе. Шестнадцатилетние мальчики и девочки завоевывают золотые медали, чемпионы, европейские и мировые чемпионы! Это верно. Но также верно и то, что молодой человек, не достигший к 25 годам хороших, не говоря уже о выдающихся, результатов, безоговорочно признается бесперспективным.

Тысячи парней и девушек вынуждены уходить из спорта, потому что от них нет проку (модель). А 30—40-летние, которые вообще-то в жизни считаются молодыми, в спорте совсем нет места. Лишь потом, когда на пенсию, они снова могут попасть в сферу спорта — в группы здоровья.

Хочу предупредить возражения предлагаемых оппонентов: предложение, конечно, чемпионство в какой-то степени утировано, на самом деле все происходит гораздо сложнее и не так откровенно. Но суть остается неизменной. Конечно, чемпионы всегда, во все времена были, есть и будут в особом почете. Ничто, чтобы бушевали страсти на переполненных стадионах, чтобы устанавливались рекорды в спортивной модели. Но ведь не только в этом смысл и название спорта. Каждому спортивному клубу должны быть дороги свои знамя, честь и традиции. И девизом каждого спортсмена, каждого спортсменки должен быть не боевой клич «Победа во что бы то ни стало», а благородные слова, смысл которых сформулирован в Программе Коммунистической партии: «...формирование гармонически развитой личности. А это прежде всего оздоровление, которое придает право спортсмена на поражение в честном поединке. Позорно не оно, а то клеймо черной туши, которое, к сожалению, появляется не только в стальных газетах.

Деление спортсменов на полезных и бесполезных для спортивной организации приводит, естественно, к привилегированному положению лиц первой категории: воздадим кесарево Брумелю, а Иванову — по возможности.

В этом году состоится грандиозное спортивное событие — IV Спартакиада народов СССР, посвященная 50-летию Советской власти. В ней будут участвовать на всех этапах миллионы людей, но лишь немногие из них станут чемпионами. А остальные? Неужели все они проигрывают! Неужели и их тоже черной тушью!

Главный смысл спорта не рекорды, не медали, а здоровье народа. Об этом ясно сказано в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Значит, не только миллионы участников, и есть Победители, для которых не жалко медальки высокой стоимости пробы.

И я пошел в магазин и купил школьных медалей на всех своих ребят, вместе с записками.

Их случай, если проигрывает? Не! Иначе! Это же даже выигрывает! Просто хочется награждать спортсмена за участие. Ведь это самое главное в спорте...

ШАХМАТЫ

Галерея юных мастеров

Полное превосходство молодежи — так можно охарактеризовать сегодняшнее положение в наших международных шахматах. Самое убедительное тому доказательство — великолепная победа 17-летней студентки Тбилисского университета Наны Александри в финале последнего чемпионата страны.

Воспитанница недавно скончавшегося заслуженного тренера СССР Вахтанга Карсладзе (напомним, что он вырвал из чемпионку мира Нону Гринджиндзели) необычайно талантлива, обладает оном и другими качествами, столь необходимыми спортивной «звезде» — самолюбием и трудолюбием. Безусловно, Нана предстоит еще много поработать над совершенствованием своего мастерства: порою дают о себе знать пробелы в технико-тактическом отношении оценивает свои шансы и «зарываться» в борьбу еще сейчас на фоне академичности, инертности многих шахматистов страны. Комбинированный стиль Наны вызывает заслуженное симпатии.

Характерный пример творчества юной чемпионки СССР — ее партии с опытной эстонской шахматисткой Майей Рангем. Между прочим, именно эта встреча решила судьбу золотой медали.

Характерный пример творчества юной чемпионки СССР — ее партии с опытной эстонской шахматисткой Майей Рангем. Между прочим, именно эта встреча решила судьбу золотой медали.

Характерный пример творчества юной чемпионки СССР — ее партии с опытной эстонской шахматисткой Майей Рангем. Между прочим, именно эта встреча решила судьбу золотой медали.

Характерный пример творчества юной чемпионки СССР — ее партии с опытной эстонской шахматисткой Майей Рангем. Между прочим, именно эта встреча решила судьбу золотой медали.

319 ДИЛОМОВ

Около трех тысяч любителей шахмат принимают участие в нашем конкурсе на решение задач см. «Смену» № 18. Выигравшую первую очередь юную чемпионку мира — 10 очков из возможных 15 набрала 19-летняя 319 читательница, приславшая наиболее полные и обстоятельные ответы. Их адреса высланы почтой дирекции.

Для сверки участниками конкурса приносите ответы на задачи в краткой форме: № 1 — 1. b1b2, 2. c1c2, 3. d3d4, № 2 — 1. Lh3! № 2. e1! № 3 — 1. f3! № 4 — 1. d5! № 5 — 2. c1! № 6 — 3. b7 + Kрf7 4. b8x f.

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ

Сон без сна

В морготное путешествие и палатке я захватил с собой инномарку, но «облако» там и не появилось. На военном совете было решено вновь переформировать в набыки снегохода, испрывать поворждения и двинутися дальше. Газождение проломать поиски розовых «облаков» было получено. Перед советом и сивал Зернова с Мирным, он кратко доложил об аварии, о виденных «облаках» и о первой произведенной мною съёмке. Но о двойниках и прочих загадках умолчал. «Рано», — сказал он мне.

Вано в палатке мы не нашли, но непонятный беспорядок вокруг — опрокинутая печка, ящик с бритвами, размятавшийся лыжен и броненная у входа кожанка водителя — все это удивляло и настораживало. Не снимая лыж, мы побормали на стемы. Он лежал на снегу в одном синтре. Его небритые щени и черная кошла волос были запырошены снегом. В отгнинутой руке он сжимал нож, со следами смерзающейся крови. Вокруг лица на снегу розовело расплывающееся пятно. Снег вокруг был затоптан — причём все следы, какие мы могли обнаружить, принадлежали Ваню: «сорон пятного размера популял он сапогом».

Чехели был жив. Когда мы приподняли его, он застонал, но глаз не открыл. Я, как самый сильный, понес его на спине. Только поддерживала сади. В палатке мы осторожно сняли с него синтре — дава была повёрнутой, крови он потерял немного, а кровь на лезвии ножа, должно быть, принадлежала неизвестному противнику. И нас тревожила не потеря крови, а возможное переохлаждение: нам долго он пролежал здесь, мы не обмороз был легким, а организм у Ваню крепкий. Мы растерли парня спиртом и, размаз тискутые зубы, взяли станы снегохода внутрь. Погрознились, открыл глаза и что-то забормотал по-русски. «Ласката!» — прикрикнули мы, уплатив его, унутаного, как мумии, в спальный мешок. «Да он!» — вдруг спросил Ваню, очнувшись. «Кто? Кто?» Он не ответил, силы оставили его, начался бред. Было невозможно разобрать что-либо в хлае русских и грузинских слов. «Снежная норрелева», — послышалось мне. «Вредит», — огорчился Далууч.

С переводом решили подождать. Ваню следовало выслать: спирт уже действовал. Странная сонливость овладела и нами. Только заснув, залез в спальный мешок на санках и тотчас же затих. Мы с Зерновым сначала крепкось, нурули, потом взглянули друг на друга, рассмеялись и, потянув губчатый мат, тоже залезли в меховые мешки. «Часон отдохнем, а потом и переберемса», — есть часон отдохнуть, шеф! И оба уснули.

Почему-то ни он, ни я не высказали никаких предположений о том, что случилось с Ваню. Споно- створившись, отозвались от комментания, хотя я уверен, оба думали об одном и том же. Кто был противником Ваню и откуда этот известный появился в полвальной пустыне? Почему Ваню нашли раздетым за пределами торгога и начинался еще в палатке? И что его предшествовало? И как это у Ваню оказалось окровавленный нож? Ведь Чехели при всей его вспыльчивости никогда не пробег бы в огульно, не будучи к этому вынужденным. Что же вынудило его? Наверное, эти же вопросы задавал себе и Зернов. Но молчал. Молчал и я.

В палатке было не холодно и не темно: сиял следовой огонца своим слабым светом сумеречный свет. Однако, постепенно или сразу — я так и не заметил, каким образом и когда — эта сумеречность не то чтобы густела или потемнела, а как-то поменялась, словно и в разрывной в воздухе несколько зерен марганцовки. Я хотел прыгнуть, толкнуть, окинуть Зернова и не мог: что-то давило и прижимало меня к земле, что-то сжимало мне горло, как ране в набиве снегохода, когда не мне возвращалось сознание. Но тогда

ИМЯ
ИМЯ
ИМЯ
ИМЯ

Фантастический роман

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО,
Г. НОВОЖИЛОВА

Продолжение. Начало см. № 7.

— Что будет с материнно, освобожденным от льда? — спросил Зернов, выходя из кабинета.

— Изменится ли климат? — Не все сразу, товарищ! — уполноchie воздел руки перед собой, — как намек на уверенность! Предлагаю: в космическом. В земной ускоренной колонии, в какой-то мере. Вопрос может повлиять уровень воды в океане, если количество воды не увеличилось? Вопрос не имеет никакого смысла, в каком-то смысле. Вопрос о климате тоже из школьного учебника.

— После того, что произошло, структура «облака» мне показала, что это газ.

— Мыслишь так? — хихикал кто-то. — А это как гаснет? — Вы физик? — спросил Зернов.

— Да, товарищ.

— Допустим, что вы и напишите этот учебник. Подписал знаменитый муж корреспондент «Известий» с Пулюта. Между прочим, тут Антарктида. Неужели вы считаете это возможным? — Не знаю. Кстати, я ничего не говорил о Пулюте.

— Пусть не с Пулюта. Вообще из нососа. Из какой-нибудь звездной системы. Но зачем ни летать за льдом на Землю? На окраину нашей галактики. Лета в Бесконечность достояние — можно наять и быком.

— Благо не чему? — спросил Зернов, улыбаясь.

Я вскопался ни: под градом вопросов он не утратил ни юмора, ни сплоченности. Он был не авторитетного паритета, а только сплоченности свидетелем уникального, необычного феномена, которое не было затронуто ни одним из нас, почему-то забывали об этом, а оно терпеливо отпиралось на каждую реплику.

— Лета в Бесконечность, — сказал он тоном учителя и пошутил устно, — совмещение не стало уж точно даже в нашей звездной системе. Мы не знаем, есть ли вода на Венере, ее очень мало на Марсе — совсем нет. Юпитер или Уран? А на них много земного льда во Вселенной. Пусть поправит меня наш астроном, но, по-моему, космос — это — чаще всего замороженные газы: аммиак, метан, углекислота, азот.

— Почему никто не спрашивает о двойниках? — спросил кто-то.

— Ученая я только тут профессор Кедрин вспоминаю и Анохин. Общались ли вы со своим двойником, разговаривали? Интересно, как и что.

— Довольно много и о разных вещах, — сказал я.

— Заметили вы какую-нибудь разницу, чисто внешне, в мелочах, в непримечательных деталях? Я имею в виду разницу между вами обоими.

— Ничком. У нас даже кровь одинаковая. — Я рассказываю о микрокосме.

— А макрокосм? Память детства, юности. Не превратил? Я рассказываю о памяти. Мне только непонятно было, куда он клонит. Но он тотчас и объяснил.

— Тогда вопрос адмирала Томпсона, вопрос тревожащий нас пугающий, должен наступить. Как нас люди-двойники будут появляться и вправду и сейчас, пока не успеют заморозить двойники, то как мы будем отличать человека от его модели? И как они будут отличать себя сами? Вопрос как не кажется, дело не только в абсолютном сходстве, но и в уверенности каждого, что именно он настоящий, а не синтезированный.

Я вспоминаю о спорах со своим злостным «дублем» и растерялся. Выручил меня Зернов.

— Любопытная деталь! — сказала ой — двойники появлялись всегда после одного и того же сна. Человеку кажется, что он погружается во что-то красное или малиновое, иногда лиловое и всегда густо и прохладно, будто желе или нисель. Эта немыслимая субстанция наполняет его целиком, все внутренности, все сосуда. Я не могу утверждать точно, что наполняло, но человеку именно это кажется. Он не может пошевелиться, словно параллельный, и начинает испытывать ощущение, схожее с ощущением гипнотизированного: словно кто-то невидимый просматривает его мозг, перебирает каждую его клеточку. Потом алая туманность исчезает, и нем возвращается ясность мысли и свобода движений, он думает, что видел просто некий сон, как раньше. А через некоторое время он полагает двойник. Но после пробуждения человек успевает что-то сделать, а с кем-то поговорить о чем-то важном. Двойник этого не знает. Анохин очнулся, нахмурил не одну, а две «Харьковчанки» и одинаково раздаленными первыми словами с одинаково приваренным сингазконом на груди. Двое двойников все это было в состоянии транса. Он помнил только то, что помнил Анохин в этот момент. Аналитические рассуждения и наблюдения в и других случаях. Двойник после пробуждения побился и порежал кожу. А двойник явился и нем без порока. Чехов не спал, сильно захмелев от выпитого стакана спирта. В этот момент, а если точнее, в этот момент, когда он появился перед ним, едва дергався ни ногой, с помутненным взглядом, в состоянии пьяного бешенства. Мне кажется, что именно это перометрическое, действующее после его пробуждения состояние, которое, как вы помните, сомнительных случаях отличить оригинал от копии.

— Вы тоже видели такой сон? — спросил кто-то.

— Видел.

— А двойника у нас не было?

— Видел, но меня и случает. Почему и оказался исключенным?

— Вы не оказались исключенным, — ответил Зернов, его же собственный голос.

Говоривший стоял позади нас, почти в двести раз превысивший ростом, чем Зернов. Но том был парадный серый костюм. На этом — новом — уровне — старинный темно-зеленый свитер, какой носил Зернов, и застегиваясь, Зерновские же ватные штаны и начальные меховые сапоги, на которые я и раньше в зрелом возрасте, дополнял из костюма незнакому. Впрочем, едва ли это был не знакомый. Даже я, столько дней пробоивший рядом

с Зерновым, не мог отличить одного от другого. Если на трибунах ям Зернов, то в двести стояла его точнейшая копия.

— А злая акушка, кто привстал, растерянно оглядываясь, — кто привстал с разницей, — выслушал я, но Кедрин с интересом рассматривал двойника, на толстых губах американского адмирала замесился усмешка: казалось, он был доволен таким неожиданным подтверждением его мысли.

А Зернов-двойник метроступил вперед, улыбне, пронаблюдаясь, взглядом, полными такого загадочного интереса, какого у Зерновских, вероятно, редкие мировые знаменитости. Он глянулся, подвинул стул-табуретку и сел у того же столика, на котором моментально появился Зернов. Зерновские же явилось собой ничего необычного: сидели двое братьев-близнецов, встретившихся после долгой разлуки. Но все понимали: не было ни разлуки, ни братьев. Просто один из сидящих был непонятным человеческому разуму.

Только канон? Я понимал теперь адмирала Томпсона.

— Почему ты не появился во время поездки? Я искал этого, — спросил Зернов номер один.

— Зернов номер два недоуменно пошевелил плечами.

— Я помню все до того, как увидел этот разный сон. Потом провал в памяти. И сразу же и вхожу в этот зал, смотрю, слушаю и, кажется, никак не понимаю... Он посмотрел на Зернова и усмехнулся. — Как мы встретились там, как Анохин со своим двойником, а вы ни за что не успели познакомиться. Кто бы догадал, что ты не настоящий? — спросил Зернов-двойник? Вспомнишь ли, кто из вас двоих? Я помню все свои имя твою — уж не знаю теперь, кто из нас двоих, но я помню, вероятно, синтезированной память сейчас. Антон Кузьмич, — обернулся он и залу, — вы помните наш разговор перед отъездом? Я помню, как деликатные опыты, просто последние ваши слова.

— Профессор Кедрин смущенно замолчал.

— Замолчал.

— Я забыл, — сказал Зернов номер один.

— Вы поступали мушкетерно по поводу «Братства» без малейшей правдоподобности. Зернов номер два, — и сказали: «Чочу Бориса» застрашного для обязательности.

— Борис смеялся бы ответом: профессор Кедрин глуп дурился с потухшим окурком.

— У меня вопрос, — поднял голову Томпсон. — К Господину Зернову в зеленом свитере. Вы помните как встретил в Ман-Мердо?

— Конечно, — ответил позанглинский Зернов-двойник.

— И сувенир, который вам так понравился? — Конечно, — повторил Зернов-двойник. — Вы подарили мне сувенир, — с вашей золотой монетой. Она сейчас у меня в кармане, а кармане моей летней куртки.

— А вы бы летней куртки, — насмешливо похлопал Зернов.

— Вы бы не убедили меня в этом, не посмотрите и ваши футболки. Теперь я знаю, я не возвращался с вами на снегоходе, я не встречал американского летчика и гибкого человека, у которого вы были израны. И меня ждет такой же конец, я его предвижу.

— Может быть, мы исключение, — сказал Зернов, — может быть, нам подарит существование? Теперь я только различаю между собой. Одно горит сплоченно, не теряя присутствующему ему кландрированию, другой вынужден напрячь и натанцу.

— Ты и сам в это веришь? — сказал он. — Нас создано как опыт и уничтожено как продукт этого опыта. Думаю, никому не известно ни нам, ни вам. Я помню рассказ Анохина твоей жавлятию, и я внутренне соображаю, но, не посмотрев на него, и внутренне соображаю, астроты этот до мутн знакомый взгляд, — когда стало опускаться облако, Анохин предложил двойнику бекать. Тот отказался: не могу, мол, что-то признавать мне остается. И он вернулся в кабину, чтобы попить и уйти, и нет. Что-то уже принашло мне не везло.

Зернов протянул ему руку, она натрухнула на невидимое препятствие.

— Не выдвигай, — печально улыбнулся Зернов-двойник. — Поле — я прибегаю и вашей терпимости, другой вынужден напрячь и натанцу. Поле уже создано. Я в нем, как в снаффиде.

— Кто-то, сдвинувшись поближе, также попробовал дотронуться до синтезированного человека, но свего: рука встретила уплотненный, как резина, воздух.

— Странно знать свой конец и не иметь возможности его избежать, — сказал Зернов номер два. — Я все-таки думаю, — сказал Зернов номер два, — я все-таки думаю, что я не Бюккер.

Мутная тишина придавала зал. Кто-то теребил вышитый. Кто-то прищелкивал глазами. Адмирал Томпсон снял очки. Я замурлыкал.

— Рука Мартина, лежащая у меня на колене, вздрогнула.

— Ну, ага! — вскрикнул он.

Я взглянул вверх и обмерс с потолка и сплелся ему неподвижно Зернову в зеленом свитере увидев, как лиловая пульсирующая труба. Ее равномерно расширился и расширился и нем, несущийся, и прочно, как густой коллап, прикрываясь оказавшись под ним человека. Минуту спустя ушел дени нечто вроде желтобразного фиолетового статалиты, соединившегося с статалитом, который возмужал. Основание неподвижно наверху на трибуне у столика, статалит же вытел из потолка сивая струя и сплелся сивая струя на нем, как трехжестровой столб снега. Едва через полминуты статалит начал падать, как снег, на пол, и шум, и в отпрыскался всем ее ровозой пусоты.

Увидел ни стула, ни человека. Едва минута — и лиловая нисель ушла, и человек остался, но повредил ни пластина, ни его тепловая изоляция.

— Все, — сказал «наш» Зернов, подымаясь, — Финис, как говорили древние римляне.

Продолжение следует.

Фото Ал. Лесса. Январь 1966

О ПАУСТОВСКОМ

Эм. МИНДИН

Паустовский мог бы сказать, как Флобер, о самом себе: «Я человек-перо»...

Каждо — кажется, в начале тридцатых годов — мы вместе поехали в Голышино, в писательский дом творчества. От вокзала до дома расстояние небольшое, проходили его минут за пятьдесят. Но был очень холодный вечер, ветер был сухим и влохмил снегом в лицо. Таща свои чемоданы, мы с обидной передергали ноги по обледенелой дороге. Кончилось тем, что в темноте и ослепнув от снега и иленицуски, вытряхива чемоданы. Когда и поднялись, Паустовский уже шагал в десять вперед волов два чемодана — свой и мой. Я еще дотопал его, он ни за что не хотел остановиться: «Надо спешить, можно еще поработать сегодня...»

Мы выжили в голышинской дачке, обдутой ледяным ветром, осыпанной сухим снегом, застывшим на морозе. Маленький домик о десятка комнатка (три внизу, шесть наверху) был погружен в сонную вечернюю тишину. К ужину мы опоздали. В очень большой, теплой кухне, освещенной мигающей керосиновой лампочкой, ночной сторож друг писателя Петр Ивлювич предложил нам согреться с мороза. На огромной, еще не остывшей плите стоял ведровых размеров чайник. Научившая меня в кухонном полумраке сила, как третиный язычок керосника. В ту пору в голышинский дом еще не успела проведена электричество. Я посоветовал согреться чаем тут же, на кухне, сейчас. Но Паустовский востроенно отказался: жалко время терять. По едва освещенной лесенке он потащил свой чемодан во второй этаж. Когда мыжидь через тридцать и зашли в него, он уже сидел за столом и писал. Сел за работу буквально с ходу. Чемодан лежал на кровати раскрытый,

но неразобранный. Паустовский писал вломку рукописи. Свет керосиновой лампочки на столе освещал верхнюю часть лежащего перед ним листа бумаги. Три или четыре строки были уже написаны.

— Здесь хорошо работаете, — с удовлетворением провозгласил Паустовский, поворачиваясь ко мне.

Правое, прежде чем я прочитал его воспоминания — да, пожалуй, еще раньше, чем он написал их, — многие страницы стали мне знакомы по его устным рассказам. Читая его, так и слышишь, выходящий его голос, но и слушая его, словно читаешь. Мне не раз казалось, что устные рассказы Паустовского чаще всего — заготовки задуманных им рассказов. Да и не только рассказы, но и отдельные образы, фразы. Он словно сначала пропробует их на слух. Сидя за обедом в столовой, Паустовский смотрит на свежесвалившийся снег за окном, потоп вновь принимается за еду, ест вилло, опять поднимает голову, смотрит на снег и вдруг проносит своим тихим хрипловатым голосом:

— Снег, как старое серебро...
На другой день я слышу от него ту же фразу. Он все еще как бы пропробует себя: «Снег, как старое серебро».

Потом я читаю эту фразу в одном из его рассказов. В середине тридцатых годов подолгу жила в Малееске. Ничего от голышинской Малеески не осталось. И лиричный «адорцовый» ансамбль ничем не напоминает старую, милую, бревенчатую Малееску. Жила тогда в «архиве», так окрестили только что выстроенный Литфондом новый дом. Дом был выстроен из зараженного дерева. Наверху бревенчатых стенов еще время неслось такое однообразное и лиричное было усталое тучиное жука-древоточа. Время от времени на пол, на подоконник,

а то прямо на писательский стол шлепался черный жука-древоточа. В такие минуты коридор отдавался воплям Ивана Катаева. Его и Ивана Катаева жука-древоточы доминили особенно сильно. Распахивались двери всех комнат, словно писатели рады были проглотить проглотить работу. Двери всех комнат, за исключением комнаты Паустовского! Писатели высказывали в коридор, и начиналось шумное обсуждение. Двери все ждали с этим прохладным домом. Александр Малашин деловито успокаивал всех: через два года весь дом будет съеден жука-древоточами и вопрос решится сам собой. Тарас-Родюнов острел:

Братья-писатели, в вашей судьбе

Смешится что то такое...

Мать Залка вытаскала всех усобики я, чтобы отвлечь от жука-древоточа, привалила, немолду сердцу коверная русский язык, рассказывать анекдот. Самым смешным в анекдоте был русский язык рассказчика. Паустовский продолжал писать у себя, словно шум, крики, возгласы кому-нибудь, смех не доносился до него сквозь толстую дощатую дверь, даже и не оворачивало... Он был неуязвим сосредоточен. Он и сейчас таков.

Паустовский и теперь — в восьмидесяти годах жизни — легонько на полднем и отправляется в путешествие даже в дальние страны без долгих сборов. Книга, сделавшая его известным писателем, — «Карабуга», герой ее живет на солнечных берегах удивительного языка Каспийского моря. Потом он написал «Колыханье» и узнал читателя а жаркому субтропике Черноморья. И тем не менее Паустовский — поэт прежде всего среднеурской равнины. Он способен восхититься Вальдемом и с благодарностью писать о книге Стюта, посвященной Ван Гугу... Но как бы он ни восхи-

тился Ван-Гогом, по-настоящему дорог ему Левиталю, о котором он написал, как можно написать только о сокровенном, о том, в ком ты чувствуешь чуждую себя.

Дет тридцать назад в редакции «Наших достижений» была одной из бесед, которые возникли там неожиданно, стояло только собраться трем — пяти литераторам. Паустовский был в том, что в последнее время в литературе, а в «Наших достижениях» в частности, слишком мы увлекались эстетикой. Белин в Среднюю Азию, в Грузию, Армению, куда угодно... только не в Россию. Живописем любые пейзажи — украинские, армянские, абхазские, чужие Таеки, чужие хвесуры, — но только не среднеурский пейзаж. Он просто казал об очевидном, что было близко, логично и вместе с тем по чему-то забыто многими. Традиционный для всей русской литературы пейзаж среднеурской природы Пришвина тогда был очень немногим, что осталось верен пейзажу Средней России.

Простая мысль Паустовского вдруг вымолвила всех. Иван Катаев стал развешивать:

«Мы с вами русские литераторы, живем и работаем в Российской Социалистической Республике. Есть великий русский народ с героическим революционным прошлым. Русские не нация обломовых, иначе в недрах этой нации не выросли бы люди, совершившие революцию. И конечно, «нация обломовых» не могла бы создать ни русской культуры, ни русского искусства. Наши обломовы могли бы создать роман «Обломов». Русское искусство живет и может жить в своих национальных формах, хотя и во всемирном искусстве — это «народное искусство», — говорил Катаев, и Паустовский горчико его поддержал.

Вспомню, как от затеянного Паустовским разговором забавный пейзаж среднеурской равнины перешел к спорам о творческой среде. В конце концов у нас разговорился о «реальной дискуссия» «Что же такое творческая среда?». Паустовский говорил:

«Надоели один из работников кино без всякой удачи сообщил мне, что накоплено кинофраншиза дала ему «творческий автомобиль для поездки за город в советскую среду». Я не знаю творческой отпуски — кто не слышал этого отталкивающей фразы любого приспособленца в искусстве».

«В чем причина неприглядности литературной среды?» — спрашивал Паустовский. И ответил:

«Одна из главных причин в том, что мы уходим медленно и незаметно от настоящей творческой среды. Эта среда — вся жизнь во всем кинообразии ее явлений. Жизнь, люд с ее структурами, работой, победями и поражениями, величие социальных идеалов, любовь и ненависть, борьба и прощание, море и леса, метры, овра и степи, все и все это — вот подлинная творческая среда».

В этих словах весь Паустовский — человек и писатель. Годы да назад я напоминаю ему о его выступлении в Ван-Гугу и о его достижениях и показал сокращивший у меня отъем. Он успел позабыть о нем. Между тем

он признался, что ничто из его тогдашних высказываний о творческой среде не оправдалось и доныне и он мог бы повторить свои слова и сегодня.

...Не то в 1954-м, не то в 1955 году он собрался писать предисловие к новому изданию Куририна (вышедшему позднее в 5 томах с его предисловием). Старых изданий у него не было, и он начал у меня брать предисловия изданий четвертомки Куририна — хотел прежде, чем писать предисловие, перенести любимого имя с моего на предисловия. А когда перечитал, воскликнул:

— Изумительный писатель! Настоящий поток жизни.

Незадолго до Второго съезда писателей он приехал ко мне и говорил о том, что собирается выступить на съезде, и насколько я понял, немалое место в его речи должны были занять его мысли о Куририне. К сожалению, на Втором съезде писателей выступил Паустовский не смог, и то, что он хотел сказать, о прозрачности всякого отношения в литературе, осталось немискаливаемым.

В феврале 1957 года Паустовский собрался в Дубуты. Год назад он был там, и там же Дубуты очаровали его. «Там изумительно хорошо работает, изумительно!»

Ему ведь «изумительно хорошо работает». То же он говорил о Голицыне, потом о Малевце, о Ляте, о своей Тургае. И, вспоминая там же изумительно хорошо работало» больше тридцати лет назад в Москве, на Большой Дмитровке, ныне улице Пушкина, в чудном отроческом кабинете парикмахера, — тогдашнему его кабинету. Но теперь он говорил, что ныне там хорошо не работает, как в Дубутах.

— Едемте, — говорил он, — В это время года там изумительно.

Время жизни в Дубутах было порой изумительно, поистине обо всем на свете — печальным и веселым воспоминаниям, и шуточной болтовне, и философствовании о жизни и смерти, о старости, о книгах, о животных, музыке и бог весть еще о чем.

Через несколько дней решили прервать работу и съездить в Рязань. Паустовский знал ее по прошлому году и вынашивал покалать ее мне. Мы очень долго, до утра, бродили с ним по старому городу.

Мы проголодались, и Паустовский повел меня в записную книжку ему кафе.

Мы сидели вдвоем за маленьким мраморным столиком — долго сидели, отдыхая после прогулки, и уж не помню как завелась речь о важности искусства на духи людей.

Способна ли сила искусства изменить поведение человека? Стали ли люди лучше, нравственнее, художественнее оттого, что среди них появлялись Леонардо да Винчи, Рафаэль, Бетховен, Гете, Толстой?

Мы сидели после Бетховена, Гете, Толстого нравственно лучше, чем были до них? Я стал говорить, что Бетховен не предостерегал Клару. И что люди волею не стали многолюднее, благороднее и вовсе не отодвинулся друг к другу лучше благодаря Ферману и Сервантесу, Шекспиру и Достоевскому, Буху и Чайковскому. Что в отношении между людьми изменяется сила искусства?

Сначала Паустовский явно забеспокоился, расстегнул пальто, начал расшаркиваться в своем кресле, словно ему вдруг стало неудобно сидеть. И, наконец, напустился на меня с неяривающей для него горячностью. Если бы мне пришлось отвечать на вопрос, во что неземлюбой всей силой сердца верит Паустовский, я не задумываясь, ответил бы: преобразующую силу искусства! И, быть может, прежде всего литературы. Вероятно, поэтому он так бескомпромиссно судит судениями искусства, с такой последовательностью на протяжении всей своей писательской жизни оставляет чистоту, честность, прямоту и нежную суровость долга художника — сердца художника.

До этого не бывало, что мы с ним расходились во мнениях или не понимали друг друга. А теперь припомню, о чем мы не говорили с ним, чем перечислил темы всех наших бесед за последние три десятилетия искусства, за последние десятилетия нашего с ним знакомства. А вот в Рязе в тот день — первый и единственный раз за все годы — друг друга не поняли и не понялись.

Никогда до этой беседы в рязском кафе я не видел его таким рассерженным. Как только сомневался в безусловной правдивости преобразующей силе искусства! Он в гневе отодвинул от себя недопитую чашку кофе. Он осоздало смеялся и смеялся.

Я тщетно пробовал объяснить, что вовсе не отрицал силу воздействия искусства. Но, понимаете же, если даже Бетховен и Рафаэль не смогли изменить к лучшему нравы...

Он и слушать меня не хотел. Я затронул то, что было святая святых и его неизменяемой веры в силу искусства.

Он писал, пишет, все свою жизнь пишет, верю, что нет сил сильнее слова, нет сил сильнее слова, и слово сильнее...

Помыслился с ним, в магазине галстук. Сговорился: он выберет галстук для меня, а я — для него. Выбрали, купили, обменялись подарками, и оба остались довольны...

Выбирал он очень серьезно. Глядя на него, ни за что не скажешь, что двадцать лет спустя задот человек с глубокой нравственностью, страстно расступался о прекрасном и что он старый, всерьезно любимый русский, добрый писатель...

Я написал «добрый», и не случайно. Я пытаюсь определить причины необыкновенной популярности Паустовского. В чем секрет? В запустелости? Живучести? Изобразительности? Ярличности? Ни одна из этих причин не объясняет читательской любви к Паустовскому. В очень широком и глубоком смысле понятия — доброта. Он в большинстве случаев — добрый художник.

Людям хорошо с Паустовским потому, что они в его голосе и в его красках чувствуют доброту его любви к миру, доброту его непонимания ко всему, что уродует любимым им мир природы и человека.

Это необыкновенно много — когда читатель и писатель хорошо. И это совсем не так часто случается, даже когда писатель очень талантлив.

Огненная кисть

Одним из ленинградских инженеров — Павлом Корсаком — начался эксперимент с применением пилы заземленную газонную горелку. И проделанное удивительно: от прикосновения идущей пилы металл пошел.

Одним из ленинградских инженеров — Павлом Корсаком — начался эксперимент с применением пилы заземленную газонную горелку. И проделанное удивительно: от прикосновения идущей пилы металл пошел.

«Искусственная почка» в стиральной машине

Аппарат «искусственная почка» — сложное, громоздкое и дорогое сооружение, в котором оборудованы многие болочки. Но недавно голландский врач Колеф предложил простую и легкую конструкцию «искусственной почки» на базе стиральной машины. Этот аппарат можно будет устанавливать на дому у пациента. Четыре небольших прибора для очистки мочи помещаются в стиральную машину, а вода заливается в специальный створ. Пластмассовые трубки, идущие от машины, вводятся в записные рубли пациента. При включении раствор прогонится по трубе аппарата, и кровь очистится.

в бетоне, обладают специфическим свойством — распадаются на бетон, затвердевая, меняя цвет. Прямой определенности состава бетона вы выступают в роли «плазмы» и, образующаяся на поверхности бетона после обработки его парами, порошка, хорошо переносит резкую смену температур и влажно выветривает. Изучением возможностей новой «книжки» занялись ленинградские художники-монументалисты.

Новый метод окраски заинтересовал специалистов. Исследования показали, что новая, стеновая плена, образующаяся на поверхности бетона после обработки его парами, порошка, хорошо переносит резкую смену температур и влажно выветривает. Изучением возможностей новой «книжки» занялись ленинградские художники-монументалисты.

ПРИЦЕП-ГИГАНТ

24 колеса печатают узорчатый след по заснеженному шоссе. В кабине опаснее для сосисей. Его необходимо вовремя Угнать. Но как отличить большое дерево от зеленого?

Наиболее распространенным способом определения момента «операции» является личный опыт, интуиция лесника.

Ученые давно уже ищут метод более объективной диагностики. В агрофизической лаборатории Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы создан прибор, который может регистрировать реакции растений на воздушные и почвенные раздражители в любое время года. Точнее «электронное наблюдение» позволяет зарегистрировать силу отточной реакции растений, по которой можно судить о состоянии его здоровья.

«ЭЛЕКТРОДИАГНОСТИКА» ДЕРЕВА

Болел не только люди, животные, но и деревья. И многие их болезни заразны; болное дерево становится весьма опасным для сосисей. Его необходимо вовремя Угнать. Но как отличить большое дерево от зеленого?

Н. ДМИТРИЕВА,
специальный
корреспондент «Смены»

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОДЬЕ ГОЛЛАНДЦЫ

Согда о человеке говорят «хорошо сохранился», значит, он выглядит молодо, моложе своих лет. Сказать так о стране — значит заметить, как бережно сохранила она старые добрые традиции в обычаях, нравах, архитектуре. Голландцы синхронично считают «привлекательной» Европой потому что Голландия — маленькая страна, которая «хорошо сохранилась».

Внешне она выглядит для всех очень определенно: море, с которым давно и упорно борются голландцы за каждую пядь земли, и самый большой в мире морской порт Роттердам; каналы, дамы и медленный скрип крышек деревянных ветряных мельниц, уже почти непригодных в хозяйстве; черно-белые, неподвижные, как памятники, коровы на ярко-зеленых влажных, словно только что из-под дождя, лугах и автомобилях, вносящие, мотоциклы — все мысленные виды транспорта, на которых постоянно мчатся человек вдоль этих лугов из города в город; прозелененные тополя на полях и менее знаменитые цветы в омах домов; ярише, солнце, чистые краски улиц и строгая чистота головокружительно переплетающихся труб серебряных строений заводов нефтяной компании «Шелл»; прекрасные музейные собрания Рембрандта, Галса, Ван-Гога и симпатичные перин-конкобасцы Кейс Феркерк и Ард Схвен...

Но Голландия пришлось смотреть не только то, что составляет национальную гордость голландцев, но и то, что, спускаясь, противоречило ей и всегда неожиданно врывалось в их тихую, добропорядочную, обеспеченную жизнь, когда кто-то вдруг сползался, как невозможно ровно и самодовольно идет она своим неторопливым чередом в невысоких домах с большими окнами. И вот уже заслуживает, как хорошая пенсия, эта самая жизнь его соотечественника, рождаема в его душе бунт. В разные века этот бунт выразился по-разному, но всегда четко, «а чистом виде».

«Нико, не будь Рембрандта, путешественник вынужден бы ошеломительно впечатляюще, что слепное и хорошее дело — маленькое счастье малой нации. Такая красивая, ровная, привлекательная и разумная нация и поведение хо-

роше, и жизнь благоприятная. Там нет гор, но там живет бездна печали, сияния и ужасющей красоты. Это Рембрандт».

А в остальном — такая довольная и практичная страна!»

Так написал о Голландии Карел Чапек в 1931 году. И сподобился соответствовать действительности любой эпохи этой страны. Только нет и не было больше эпохи, которая смогла бы дать Голландии и миру еще одного такого великого бутикара, как Рембрандт.

...Чем больше проходит времени с тех августовских дней, когда в вместе со студенческой группой была в Голландии, тем чаще вспоминаю эту страну. Ее люди — те, кто был с нами, кто встретился с нами в пути, разрушали все мои «голландские» представления о жителях Нидерландов. Ожидала встретить неторопливых и рассудительных «дядечкино», солидных в своем безразличии ко всему, кто не касался их пятячков земли, которые дорого обошлись каждому, кто ими владеет, я уже заранее понимала и оправдывала эту солидность и это безразличие.

Но нас встретили молодые представители NBBS (Нидерландского бюро по международным студенческим связям), и наш будущий гид Тони — Антуан ван Айтмел — плавно произнес по-русски краткую речь о том, что Голландия «очень доброжелательна» нас «а гости». Все пятнадцать дней Тони был для нас наиболее досаждаемым для понимания и общения представителем голландского народа. Двадцатипятилетний студент-экономист из Роттердама, худощавый, близорукий, он стремительно бежал всегда впереди группы с карточкой очередного города в вытянутой левой руке и с неизменной палочкой — в правой. По дороге нам попадались его добрейшие бабушка и дедушка; он приветствовал приятелей, не успевая остановиться и поговорить с ними. Тони ошеломлял нас своим прямо-таки «грузинским» темпераментом, быстрой реакцией на любое событие, на каждый вопрос и... самозабвенной любовью к танцам. Энергичный, любознательный, он обо всем хотел составить свое мнение: казалось, Тони был весь в поиске истины, которые так часто прячут за разными словами. И в то же время он оставался

деловым «сином капитализма». Его отец — богатый человек, но он выдает Тони «стипендию», которой хватает в основном на оплату комнаты, еду — очень скромная сумма денег, эта месячная «платня» стипендия.

Как-то вечером после ужина в старом ресторане Делфта «Принсесклер» у нас выключили свободное время. Несколько человек остались во дворе ресторана, где на чехлов зеленой траве стояли плетеные стулья и столы на тонких ножках, а вокруг были глухие и высокие древние стены кирпичной кладки. Там вышло постолено, и Тони мог не только сам внимательно просматривать, но и нам показав газеты, которые у него были с собой и заманито интересовали его. Там оказались сплошные колонки цифр. Они шли через всю страницу. До этого вечера мы как-то услышали от Тони: «Да, я капиталист!» Он тогда так посмотрел на нас, словно думал поразить своим сообщением. Но мы улыбнулись. Тони — подлинник нашей газеты «Гравда», Тони, который был на несколько лет моложе многих из нас и задавал спринтерский ритм всей нашей пылкой переиздум, — этот Тони не был похож на «капиталист», каким мы его обычно представляем.

Но все-таки, в общем-то понятный нам, он казался таким далеким, будто с другой планеты, когда в тот вечер, после звукового ужина, Тони сосредоточенно изучал колонки цифр, скорее всего позабыл о нас, сидишь рядом, что случалось с ним очень редко. И мы спросили, над чем он задумался.

— У меня есть немного акций, — ответил несправично серьезный Тони. — Каждый день я смотрю в газете, сколько они стоят. Сейчас они дешевле, чем я их покупал. Война во Вьетнаме, и, знаете, у нас профессора требуют, чтобы рабочим больше платили... — Тони виновато улыбнулся.

— А разве это не справедливое требование!

«Да, конечно, — согласился Тони, — это верно. Но я думаю, что компания, акции которой у меня есть, очень перспективна. Акции будут стоить дороже».

Акции, акции, акции... — Тони, а как ты истратишь те гудены, которые тебе заплатят за то, что ты наш гид?

«ДРОМЕДАРС»
фото И. ЖЕЛТОВОЙ

— Куплю акции, — искренне отвечает Тони. Еще в гимназии Тони начал факультативно изучать русский язык. С одной из студенческих групп привязал в Москву; сам оказался быть гномом в нашей группе. Это он делает не из-за особых чувств к нашей стране: Тони нужна практика по русскому языку.

— Я думаю, мы будем иметь хорошую торговлю с Россией, — говорит Тони. — Это, соответственно — учить русский язык экономисту.

Тони — один из тех юных деловых голландцев, которые не участвуют в забастовках и демонстрациях, но присматриваются к ним. Что они ищут? Истину в жестах или истинную цену тем цифрам, которые меняются на газетных столбцах после очередной демонстрации?

И все-таки, когда мы уезжали из Голландии, мы искренне пожалели Тони, который остался «при капитализме»...

Во всех встречах с голландцами мы чувствовали искренней и доброжелательный интерес к нашей стране: «дядьчаны» гостеприимны, любят повеселиться и торжественно, как дети, слушают наши русские песни. Можно вспомнить и вспоминать встречи, споры, города. Но была одна встреча, которая не просто осталась в памяти, а стала как бы точечной интонацией надежды на продолжение путешествия по Голландии, но теперь уже не выезжая из нашей страны.

Может быть, мы держали в руках конец этой «интонации» в Делфте в тот теплый вечер, когда мы, адоволь набродившись по древнему городу, переполненные ощущением торжественной тишины в каждом закоулке его, собрались у временных деревянных трибун на парад военной музыки.

Раз в году Голландия устраивает этот, наверно, самый оригинальный в мире парад военных оркестров — около Нювей церкви, где похоронены голландские короли. Каждый вечер в течение недели трибуны заполняют местные жители и туристы. Билеты очень дороги, но руководители NBBS решили доставить нам удовольствие, а засидеть с нами и самим впервые в своей жизни — увидели как бы сошедших со старинных картин воинов-голландцев. Они проходили мимо трибун в формах соответствующих годов и эпох. Штыкбарабанщики с ягуровыми шкурами через плечо, гвардейцы в меховых шапках, морская пехота с фалдами в руках. Звучали старинные песни, и капиталистические стержни, которые оказались с нами и уютно устроились, заветив с собой подушки и одеяла, которым закутывали ноги, слабыми голосами, разрумянившись, подпевали солдатам. Армия 1830-х годов бегот вывозила пушки. Зажигали фитиль, и пушки стреляли громко и дымно. Провзвала вызвавшая оживление и улыбки армия на велосипедах — начало нашего века. Солдаты умиротворенно держат строй, выполняя разные команды, не переставая играть марши. Даже барабанщик с тяжелым барабаном не нарушал строя.

Современные войска тоже были представлены в шутливом виде: они выстроились перед командиром, который в сплошной тишине на расстоянии, молча (телепатия!), не пошевелившись, отдавал команды: лечь, встать, взять автомат наизготовку. Команды четко выполнялись. Потом пальн гми — войска и зрители. Зрители были в восторге.

Но время от времени в этот четко отрегулированный спектакль вривался какой-то посторонний шум. В темноте трибун трудно было понять, кто виновник этого шума, и только несколько белых листков с загадочными для нас голландскими словами остались в наших руках. Они летели, как белые голуби, парили над трибунами и опускались на зрители.

«Что же такое военная музыка! Это последние цветочки военного милитаризма. И военная музыка — часть его. Это совершенно ясно!!! Кажется, есть любители такой музыки — ведь она прежде всего хакает за душу. А что может быть противнее группы пыжающихся трубачей на велосипедах??? Это не что иное, как сплюснутая романтизация военного ремесла!!! В данном случае такая романтизация абсолютно ни к чему. Разве мало было двух мировых войн для того, чтобы нас, «цивилизированных европейцев», привести к такому выводу??? Какой из здравомыслящих людей способен дальше спокойно смотреть на это??? Итак, по домам!!! Шагом марш!!!

Левой — правой!

«Провошорат»
Амстердама.

Полный текст этой листовки поравали уже в Москве. Подписана она инициативной активной группой действа, почтовый ящик 1626, Роттердам. Писали листовку «эпрово» — «эпрово» — это название нового массового движения, охватившего большую часть молодежи Голландии, у нас уже писали. Они дети своего времени, те самые чертики, которые вылезли из ушей нового благополучия жизни. Это благополучие заработано трудом, энергией старшего поколения. И вот та часть молодежи, которой досталось именно такая жизнь, выделена из своей среды «эпрово» так, чтобы не мешать развитию частных автомобилей, забивших улицы в центре города, за белые волосатые для всех. Они популярны, потому что выступают против войны в Индонезии, за свободу передвижения, что часто слышали, что движение «эпрово» не серьезно. Так, что-то вроде очередной «шпакости» завешивает деток.

Но мы были на центральной площади Амстердама где каждую субботу собираются «эпрово». Мы были в six вечера. На подступах к площади поперек тротуаров топтались громогласные юны с валидинами в полицейской форме. Лишь там, где стояли окосевшие разношерстные дубинками в руках говорили нам: «Проходите, не останавливайтесь, здесь нельзя стоять». И мы шли мимо полицейских милиции с гостеприимными открытками и плакатами, мимо полицейских с собаками, поводами, мимо полицейских в штатском — все скорее, скорее, дальше, — мимо площади, на которой хотели собраться «эпрово», но на которой никого не задерживали.

А наверху нам по всем благочинным улицам Амстердама шли с гитарами и плакатами, что-то выкрикивали, «торопились», «торопились».

Разве серьезно все это?

Но все-таки, как вы охраняете этот строй все благополучие, если против своих обещанных «бюксов» и «голландских» выводов — такие серьезные полицейские силы?

А вдруг...

Но все это тогда, в Голландии, после всеобщего парада военной музыки началось на нас было известное движение. Из содержания листовок, не были суботним вечером из листовки «эпрово» в Амстердаме, мы уезжали в автобусе за двести километров от Делфта на окраины северной Голландии, в неизвестный нам город Энкхойзен. Там, в Лейдене, все горело аллопаналя; по-московски далеко за полночь. Все мы устало примолили, и поэтому казались, были все слышны отзвуки военных маршей и навязчивые трубки, еще долго трубили в свои золотые трубки...

Мы постепенно привыкали к тому, какую, милью, у нас тысячекратно во дворе... Но привыкнуть так и не удалось. Часа в два ночи автобус остановился. Спросила: вошли мы в скриничку деревянные двери, прошли вдоль уюта коридора и попали в кружной зал с низким сводчатым потолком. Слева был стол с обуржуазившимся видом, справа — с баром. Сидели в кирпичных нишах, — солами и скамейками.

Это был стирпиз NBBS.

Надо сказать, что NBBS — организация с большим опытом, существующая с 1927 года и подарила своим членам много студенческих организаций в разных странах мира. Находится она в руках студентов: председатель бюро и 13 секретарей вращает всеми делами на улицах Роттердама, 6, в Лейдене, совсем рядом со старинным университетом. Они занимают скромное помещение с крошечными комнатами и узкой крутой лестницей. Над столом председатель висит выключенный люминесцент. Но работа NBBS идет тактично. Энтузиасты используют все возможные личные знакомства — в компаниях «Шалля и «Юниверс», в университетах и редакциях, — чтобы помочь молодым туристам приобрести полосу для себя провоза каникулы в Голландии.

Итак, благодаря избирательности NBBS мы очутились в замке. Винтовая лестница привела нас через черную электрическую лампочку. Таинственно скрипели деревянные ступени. С высокого потолка демонстративно свисала люлента. Те же голые кирпичные стены, что и в Роттердаме. Но горела лампочка, вдалеке слышались в два ряда — одна над другой — кровасти с хоршими пороховыми мат-

расами, теплыми одеялами и чистым бельем. А внизу, за тяжелой дверью с внушительным ржавым засовом, оказалась кабинка с горчичными дулами...

Мы вошли туда, мы облизали язык «Дромедарис». Мы видели зал, где есть сцена. Зал, где стоят длинные столы, — здесь студенты проводят дискуссии. Но специальных шпак и вдоль стен были выставлены работы голландских художников Тон ван Оса. Выполненные в реалистической манере, с тонким мастерством и большим чувством, работы Тон ван Оса были написаны в Испании, рассказывали о жизни в годы «эпрово». А в годы «эпрово» было выставлено то, что молодой Абрамсон назвал «скультурой». Куски железа, немного похожие на вулканическое породо, не вызвали ни удивления, ни восторга. Они были выставлены только в начале пути и еще не нашли себя.

Был редкий для Голландии солнечный день. Солнечные зайчики дрожали на воде канала, мимо «Дромедарис» проплывали различные лодки и баржи. По зеленой траве окол замка наши ребята самозабвенно гонили футбольный мяч. Вместе с ними, не боском, а как-то не по-нашему, в носках, бежал за мячом некий голландец. Он носил футболку и бордюрный. Один раз он здорово прошел к чужим воротам и забил гол.

Это был Март Хрустес — индиректор по культуре «Дромедарис» приглашал студентов в центр «Дромедарис». Выставка «Дромедарис», их организация и обсуждения, дискуты — все это служебные обязанности молодого графина Марта Хрустеса.

Собственный вечер в «Дромедарисе». Мы сидели за столом, в нише, под кирпичными сводами. На столе горела свеча, ее пламя неровно высвечивало то картину Тон ван Оса на стене, то проходы между белыми тумбами к лицу Марта и его девчонку. Кто-то из голландских студентов, подрабатывающих в своем клубе за стойкой бара, включил радиолу.

Сюда, на огонь, тнулись молодые голландцы, все чаще появлялись женщины, и кто-нибудь нетерпеливо поднимался из-за стола или слезал с табуретки около стойки бара, чтобы открыть тяжелый дверной засов. Мы заметили, что засов заперт, и тогда этот кто-то разрядился, а наоборот, становился частью той простой и непринужденной обстановки, которую создавал этот небольшой, уютный и странный зал.

Лето было идеальное, что приводит сюда встретиться, поговорить с другими или просто, если ни с кем не знаком, посидеть среди людей, нетерпеливо посыпая черт пластмассовую солонку лимонад из небольшой граненной бутылочки.

Здесь было хорошо и просто говорить. Март рассказывал о «Дромедарисе» — так прозвали этот замок моряков, которым с моря он казался похожим на односторонний верблюд-дромедар. Теперь верблюд — символ «Дромедариса». Его смешной силуэт (не верблюда — верблюдка) Март рисует на билетах, приглашающих на открытие очередной выставки. Добродушный игривый верблюдок раскатывается над стойкой бара.

Словно прошевели над нами века, как в кинофильме, действие вернулось назад, и вот уже совсем не трудно представить, что время, когда замок был розной крепостью. Восторженный для Энкхойзен был счастливым. Самый богатый порт Голландии. Здесь стоял много кораблей из разных стран, а на берегу расположился корпоративный завод Индийской компании. «Дромедарис» выстроили для вонюе: высокая, прочная, кирпичная сторожевая башня должна была охранять корпоративный завод от нашествия «Восторженных». Однажды фризы прислали сюда флот из четырехсот кораблей, но жители Энкхойзен на добровольные воинственные фризы. До сих пор на побережье «Дромедариса» хранятся вальденские в стволы, два вала тех воинственных кораблей и старинные пушки смотрят в сторону моря. Нападения врагов мешали деловой работе Восточно-Индийской компании. Она перевела свои торговые операции в центральную часть страны в Хоорн, потом — в Амстердам, ослабив военные силы Энкхойзен. Тогда фризы все-таки напали на этот город, захватили и разграбили его. Но до долгого восторженного народа — моряки — вспоминали, а может быть, и они помнят Энкхойзен: ведь здесь, в сих

Фоксе, знаменитый «лутвич голландец», капитан корабля, за сорок дней проплывший путь из Голландии в Индию, путь, на который самые быстродвижущие ларусники мира тратили три месяца.

Долго можно рассказывать Март об истории своего города, жители которого стали почти рыбаками, но теперь, когда построили дамбу и канал, стали мажоритом. Но мы обратили внимание к прошлому своему народу, бережное отношение к современной культуре не было показным, рекламным, в общем, без политическо-любовных, гостерной и демонстрацией, последние достижения культуры. Это происходило впечатление глубоких знаний и глубоких чувств образованного и по-настоящему культурного человека, который в своем городе, в своем городе, по словам, Университет: графические науки в Утрехте, два года работил иллюстратором, а теперь — здесь, в «Дромедарисе».

Конечно, нам было интересно узнать, как крепость превратилась в студенческий интернациональный центр. Это тоже стало уже историей, хотя еще не обросло легендами.

Пятнадцать лет в Энкхойзен приехал студент из Амстердама, из Амстердама. Крепость, после того как триста лет назад в ее закоулки за крепкими засовами сидели в заключении последние пираты-фризы, превратился в университетский центр. Но в воображении Рейфса она предстала центром, куда приезжали бы студенты со всей Голландии, а это не так уж трудно, учитывая ее размеры, и, может быть, даже гости из соседних стран. В этом смысле можно не мешая, можно было бы устраивать дискуты, показывать на вечерних спектакли, открывать и обсуждать выставки.

Рейфсон не был миллионером, но он был полон энергии и лично повел директору крупнейших компаний «Шалля», «Юниверс» и другие с просьбой о денежных средствах. Председатель фирмы профессор, дирекции университета, директор школы, были в это дело капитал. «Дромедарис» стал романтичной и комфортабельной гостиницей. Март нарисовал нам целую систему управления, которую он считал идеальной. Но его стар индустриальный студент Амстердамского университета.

Директора свежа. Март также, принес новую идею, которую очень хотелось бы воплотить каждому на своем языке и услышать, как наш другой гид, Герд, переводит Марта наши слова и переводит нам слова Марта. Но мы знаем, что скорее всего это наши переа, и последние слова Марта столько неясно, столько вопросов у Марта к нам: о том, например, как живут наши молодые художники.

Март неоднократно слушивается в переводе Герда, который сам вступал в наш разговор и спешит перевести, чтобы тут же задать свои вопросы или самому ответить на наши. Вопросы были серьезные, очень интересные. Март Хрустес не был «наводоро и тревоге, и λίγο у него не просто усталое — измороженное. Видно, он много работает, но не очень счастливы, хотя все повторяет: «Я свободен, я свободен, я свободен». Мы же не знали его. Его длинные темные волосы, неухоженная борода и грустный, без рисовки взгляд, весь несколько странный облик Марта все время выдают что-то знакомое. Тот же индустриальный — знаменое. В памяти возникли образы героев Достоевского, Гаршина, Чехова. Как давно были они у нас...

И все-таки он оживился и искренне обрадовался, когда в ходе разговора ядарт голландцы установили контакт с почтой. Мы не обменялись выставками — в «Дромедарисе» показат работы молодых советских художников, а он, Март, возмется организовать такую выставку. Он предложил нам тут же вернуться записывать мне в блокнот фамилии молодых живописцев, графиков, скульпторов...

Теперь «Дромедарис» ждет нас в гости. Кто мне в редакции «Собрания», придать письма — письма, которые мы писали в почму. Но Март Хрустес с подобным описанием очередной выставки. Так я узнала, что в ноябре «Дромедарис» отмечал юбилей — свою пятидесятилетнюю годовщину.

«Дромедарис» пишет письма — «Дромедарис» ждет наших художников.

Фото М. МУРАЗОВА

ПРОТНВ ТЕЧЕНИЯ

ШАРЕМЕТЬБЕВСКАЯ:

Этот спектакль родился особенно трудно. Повесть Ч. Айтматова «Топлен мой в красной москвине», помимо озадаченного, подлинно балетного образа, значимого даже в самом ее названии, представляла для балета и благодатный и, наоборот, непродолжимый материал. Яркие и своеобразные характеры героев, напряженная страстность их взаимоотношений — все это свободно переводилось на язык танца. Но вот вторая сюжетная линия повести — производственно-трудовые отношения персонажей — анализась, недоступной выразительным средствам балетного спектакля. Ну как было показать на сцене аварию тяжело грузовой машины Ильаса во время его одиночного форсированной перевозки? Или как передать без помощи слов его самолюбивый отъезд участвовать в коллективном штурме высокогорных трасс?

Либреттисты Б. Халиулов и Н. Ха-

«Самое спокойное, самое выгодное для работы в области искусства — пальть по течению... Если хочешь, чтобы было проще и легче, — плавь по течению! Если же это тебе не сообразает и ты хочешь своим путем направиться к своей цели, — не жди благоприятной попутки, не справайся о попутном ветре — смело гробь против течения!» Эти слова Михаила Михайловича Фовина — выдающегося мастера русского балета начала XX века — можно целиком отнести к новой работе коллектива Большого театра посвященной 50-летию Великого Октября. Балет этот о наших современниках, и потому так радостна встреча

с новым спектаклем Большого театра. «Ассаль» — балет в трех частях-воспоминаниях поставлен молодым балетмейстером Олегом Виноградовым. О трудном пути этого спектакля на сцену, о работе над ним и результатах этой работы рассказывают нам Олег Виноградов, исполщительница роли Ассаль — народная артистка РСФСР Нина Тимофеева, заслуженный артист РСФСР Ярослав Сех, выступивший в роли Байтемира, балетный критик Наталья Шереметьевская и Чингиз Айтматов — автор повести «Топлен мой в красной москвине», по мотивам которой поставлен балет.

ритиков придумывали различные драматургические ходы. Композитор В. Власов воплощал их в музыку, балетмейстер О. Виноградов — в танцы и пантомиму. Понесли дались (трудно поверить!) вплоть до первой генеральной репетиции, когда полагаются лишь уточнить детали готового спектакля. И только после нее было принято решение оставить в балете лишь тему личных взаимоотношений трех основных героев. И вот на последней генеральной повелась надежда, что спектакль получится. Более того, что он во многом не уступает по красоте и в сложности изображения характеров героев и их взаимоотношений с окружающей средой — словом, что в спектакле возникнет атмосфера настоящей действительности.

«Как же так!» — может удивиться читатель. Ведь в балете было отброшено все, кроме любовного треугольника.

Хорошие балетные либретто всегда кратки. И ним применима некроважая формула о том, что словам должно быть тесно, мыслям — просторно. Балетные либретто должны не только четко намечать сюжет, но и создавать простор хореографической мысли, ин-

оборудные условия для возникновения обобщающих хореографических образов. Во втором акте балета есть сцена, где Ассаль убеждает в измене Ильаса Н. Тимофеева играет здесь не мундирности, а крушение мировоззрения Ассаль. Со щемичью душой трагизмом передает она потрясенные героини: ослепшая от горя, ступая на ошупь, бредет Ассаль. И вдруг сцена наполняется горчим дышанием — двенадцать парней, шоферов автобуса, некогда охотно принимавших в свою команду Ильаса, окружают ее плотной стеной, стремясь защитить от обид. Балетмейстер Олег Виноградов решает эту сцену как развинутого заднего. (Напомним, что этим термином в балете обозначается дуэт женщины с партнером. Двася — партнером двенадцать.)

В первом акте находий из этих парней был настолько ярко обрисован пластически, что нам запомнились все они, в том числе «насмешливый» Виктор Нокадай, «лирич» Гольдман Солонья, «лакей» Валерий Антонов. — словом, перед нами предстал коллектив индивидуальности. Здесь же балетмейстер снял эту индивидуализацию, подчеркнув единством движений

танцоров единую для них эмоцию страдания, сопереживания Ассаль. Перед нами возникает своеобразная мимикальная фреска: фигуры располагаются фронтально и симметрично. Центр композиции — Ассаль. Ее понижшее тело то высоко поднято брызжущими руками, то надменно понижено, как на ломе, на коленях трюхи друзей. А остальное, взиравшие с трюхи и танже стоя на коленях, как бы образует вокруг нее нерасторжимую цепь... Все группировки Виноградова метафоричны, будят фантазию зрителя, заставляя думать о происходящем. Балетмейстер создает обобщенные еминые хореографические образы, полные расширяющие содержание спектакля, чем иные конкретные игровые мизансцены.

Для понимания этой формы хореографической образности требуется известная подготовленность, а прочем, как и для понимания серьезной музыки. И уж, конечно, необходимо просто внимание. Име запомнилась смущая рядом со мной девушка. Вместо того, чтобы смотреть на сцену, она все время листала программу балета, сама себе нецкая непорочно воспринимать искусство.

А ведь стоишь ей поданье глаз и немного сосредоточиться, и как непременно бы захватили происхождение. Например, молодое зрелище первого дуэта Асели и Ильяса. Кстати, в этой роли неожиданно раскрылись новые черты антерского дарования И. Фадичева, до этого выступавшего лишь в заглавие классических принцев.

Она бы почувствовала лирическую тональность танцев кордебалета, аккомпанирующего дуэту, создающей ему и чисто зрительный фон в руках танцовщиц длинными, легкими, светлыми полотнищами — то ли волнами Искын-Кулы, на берегу которого возникла любовь героев, то ли рыбами, сети — ювелирный образ этой картины. Она написана художником В. Лавенталем, откровенно говоря, с излишней краснотой. Ему наиболее удалось обрамляющий спектакль занавес, показывающий как бы с птичьего полета извивы серпантинки по склонам горных гор Ингизки — иртыре повороты дорог, по которым шагают герои балета. Думаю, не может остаться равнодушным и сложная судьба Байтемира, проминислено воплощенного Я. Сеюм. Ему посвящен третий акт балета, называющийся «Воспоминания Байтемира».

Есть в нем эпизод — один из самых сильных в спектакле: режиссер в память погибших. Здесь постановщик Виноградов вновь создает монументальную фреску. Распростерты тела палачиц, их горестно заломленные руки рассказывают Байтемиру

об утратах Родины, о гибели его близких. Эта сцена строится на фоне четырех широко расставленных острых колю — извечного образа народных наций.

А потом происходит встреча двух изумительных несчастных людей — Асели и Байтемира... Они бояться поверить в возможность приближающегося счастья (еще один неповторимо новый дуэт, где каждая поза, каждое движение продиктованы душевным состоянием героев). Дуэт переходит в массовый танец, который символизирует послевенный труд народа, восстанавливающего свою страну. Асель и Байтемир участвуют в нем наравне со всеми, обретая новые силы, веру в жизнь. Взаимно перенитом крепко соединит их. Поэтому так правдив финал балета, где Асель принимает решение навсегда остаться с Байтемиром (как блистательно проводит эту сцену Тимофеева).

И все-таки кое-что в спектакле оставляет чувство досадной неудовлетворенности. В первую очередь это совершенство его драматургии. «Поисковские» метой ее возникновения не мог не привести и импозиционная выхваченности отдельных частей балета. По-видимому, тесно связаны с этим и недостатки партитуры, расплывающейся на отдельные номера. К достоинствам «Асели» в первую очередь следует отнести хореографию О. Виноградова, новаторскую в своей сущности. Виноградов в поисках нового танцевального языка обходится

без марочного гробов пластики, без уродливых позы, которые в последнее время как-то незаметно стали проникать в хореографию (больше западную, чем нашу).

Заслуга Виноградова является и то, что он сумел вывить талантливую молодежь балетной труппы и новые грани в искусстве уже известных танцовщиц. Н. Тимофеева, Е. Рибинина, И. Фадичева и Я. Сеюм исполняют свои труднейшие роли с техническим совершенством и необычайной выразительностью, заслуживая высокого звания антеров-танцовщиц.

Нина ТИМОФЕЕВА:

Балет «Асель» для нас всех, участников спектакля, поначалу был шагом в неизвестное. Для меня же это была первая встреча с современной темой в балете. Хореографический язык, предложенный балетмейстером, потребовал прежде всего полной физической перестройки в самом произвольном смысле этого слова, ибо без этого невозможно было решать сложные психоэмоциональные состояния роли. Тело, руки, ноги с детства привыкли к определенным позициям и положениям. А теперь многое приходилось

ломать, добиваться той абсолютной свободы, преодоления технических трудностей, без которой невозможно решение художественных задач этого спектакля.

Прошло около двух месяцев работы. Прежде чем появилась возможность думать о выражении чувств и эмоций в пластике. Пластический рисунок партии моей героини требует безусловной точности исполнения при той огромной духовной наполненности, без которой в балете нет человеческого характера. Да было, конечно, трудно.

Сейчас, когда все трудности уже позади, об этом как-то не хочется думать, но хочется и нужно говорить о том новом, что принес этот спектакль в наше искусство. Человечность, естественность, красота самой естественности, без которых немислим ни человеческая жизнь, ни современное искусство. На сцене не те искусственные «спущенные красавицы» или сказочные феи, олицетворяющие в течение века человеческие идеалы и доброты, а сам человек во всей сложности и многозначности его сегодняшнего бытия, его взаимоотношений с миром и людьми, с его чувствами радости и печали, с поисками и метаниями в его вечном стремлении и движении и идеалу.

Это то, что отличает наш спектакль, поставленный в коллукций и значительный для всех год 50-летия Велико-го Октября, когда каждая мысленно подводит итоги сделанного. И для ме-

на Асель тоже в чем-то итог. Дебютировал 14 лет назад в партии Одетты — Цилия в балете «Лебединое озеро», и в дальнейшем становился все классический репертуар. Зрительными, знаменательными для меня стали партии Девушки в балете «Южной горды» на музыку Б. Бартока, Мехкена Бану и «Легенда о любви» А. Мелинова, Ингелла в одноименном балете А. Адана и наконец, Асеги, работа над которой оказалась трудной, но несомненно интересной.

Постоянный спонсор молодой балетистшей Олег Виноградов сумел увлечь всех участников постановки. Его одаренность, феноменальная трудоспособность, чуткость и внимание в работе с исполнителями создавали ту неповторимую атмосферу творчества, без которой немалосмысленно настоящее искусство.

Естественно, что в спектакле есть слабые стороны, и мы это хорошо помним, но в нем утверждается (и талантливо) то новое, что составляет вашу жизнь.

Олег ВИНОГРАДОВ:

Самое важное в профессии балетмейстера — хореографическое сочини-

тельство, создание новых «слов-движений». Нельзя жить за счет других, не обогащая копилку хореографических средств выразительности, а только тратить ее.

У искусства сегодняшнего дня должен быть современный язык выразительности, современный почерк. Язык «Жизели», «Лебединого озера» и «Тяжелой предосторожности» нужно только совершенствовать и шлифовать, а для спектаклей на современную тему требуется свой, оригинальный язык, слогный и многогранный.

Современная хореография не должна существовать в отрыве от других видов искусства. Синтез искусств, взаимопроинформирование жанров, сложность мышления современных художников двигают культуру.

Хореография должна впитывать все, что происходит в других областях культуры. Люди нашего времени держатся иначе, чем в прошлом веке, — другие привычки, манера поведения. Балетор: они пластически раскрепощены. Манерность и вычурность вытесняют смех. Статистки доказывают, что наше поколение даже растет выше прошлого. Мы подвижны, чутки, грубы, резче. Эти нашей жизни более напряжены. Мы экспрессивнее. Спорт влияет на пластику и пролинает (правда, и раньше пролинал) в танце, а танец пролинал в спорте.

А музыка! Ведь сегодняшняя музыка не похожа на музыку Дриго, Мин-

куса и Пуни. Разве Стравинского можно расширять в балете теми же средствами, что и эти композиторы!

Современный язык балета — это симфонизм хореографического мышления, помноженный на оригинальность новых движений.

Требования и сегодняшнему актёру громады и возрастают с каждым днем. Ведь им приходится раскрывать сегодняшних людей с их сложнейшим духовным миром. Абсолютное владение своим телом, сочетание пластичности с виртуозностью, высочайшая степень эмоциональной отдачи и громадная эрудиция. Интеллект, профессионализм и музыкальность сейчас необходимы, как никогда.

Балет очень нуждается в театральном, в людях, которые бы формировали его путь, объединяли отдельные удачи, разбирали ошибки. Настоящей балетной драматургии нет совсем или почти нет. А спектакли, лишённые нравной драматургии, обречены на неудачу.

Очень важно все время работать и больше видеть интересного. Не понимая друг друга, не поймаешь и себя, а чтобы понимать новое, надо его видеть, расширять, чувствовать.

О развитии современной хореографии важно не разговаривать, а делать все для того, чтобы она появилась. Балетмейстеры должны работать — СОЧИНИТЬ (а не комбинировать) новые движения, спектакли. Для того, чтобы появились современные балеты или новера, нужно ста-

чала позаботиться о подпитии уровня хореографии с XIX до XX века и устраивать конкурсы, которые дадут бы простор современному балету.

Ярослав СЕХ:

Балетмир — человек и по возрасту и по своему духовному богатству зритель. Он не просто человек, это человек, которого создал и воспитал Александр Соловьев. Тяжелая судьба Балетмирова, и любовь его к Асеги. Большая мудрость, дерзкая манера. Работали мы с Олегом Виноградовым над этой ролью около года. Сейчас, когда работа как будто закончена, вспоминаю до чего трудно шел поиск и отбор движений и их сочетание для роли Балетмирова. И как постепенно в эти сложные сочетания становились «буками» и «словами» хореографическая манера, то есть «чужестранец». Другими словами, для Виноградова человеческое тело может и должно говорить зрительно о самых сложных мыслях и чувствах человека. Огромное значение имеют руки. Долгие годы можно было бы и сейчас слышать, как антиры Балета и Балетмирова мыслями и хотением заходят в хореографии образ нашего сегодняшнего человека.

Адажю.

В этом балете он есть, он живет, он любит, он страдает, он умирает. Я имею в виду все образы этого балета. Хореография балета создана в синтезе современного танца и русской, советской классики. Да и Виноградов, мне кажется, сейчас поинтереснее сочинять свои хореографические композиции и не может.

О своей работе над образом Балетмирова я мог бы говорить и писать много. Очень много. Мне доставляет творческую радость работа над этой «ролью», но многообещающей ролью. Не секрет, она трудная по хореографии, по дыханию и по актерской насыщенности.

Скажу лишь, что Балетмир — это целая гамма чувств, а чтобы их описать, надо иметь талант критика.

Чингиз АЙМАТОВ:

Я занимаюсь прозой, сугубо прозой. Проза и балет так далеки друг от друга, что я, как автор исконно русской повести, испытываю чувство, точно мой герой, нахнух на меня рукой, решил начать повзреть, умоляющей телушку жизнь.

И у меня в овалдах горных доур в иной мир, слышим хрупкий и изящный. Такого я от них не ожидал. Каято им там будет!

Но, видимо, есть какая-то связь между прозой и балетом. Иначе, чем у всех явилов искусств. Их соединяет художественное начало. Если спектакль удался, а, конечно, буду очень рад за его авторство и исполнителей. Если нет, естественно, буду огорчен, дамо буду чувствовать себя в чем-то виноватым и неуверенным. И все же не могу не высказывать глубокого удовлетворения, что героя моего вышло счастье, поплыть на сцену Большого театра. Только бы они там оправдали себя. Если это произойдет, буду всегда благодарен театру, который и без этого любил и перед искусством которого всегда принадлею.

Воспоминания Балетмирова.

ХОРОШИЙ ТОН,

или искусство вести себя
в закрытом помещении
и на улице

Составлено
по наблюдениям и жалобам

В музеях и на выставках

Всего труднее и ответственнее поведение неопытного человека в музеях и на выставках. Вот вы вошли по приглашению илигу или так. Со всех сторон на вас бегут наярят изобразительное искусство в рамках и на подставках. Вот перед вами ровер гения классика и вы идете в день годовыхых ангела коллективно нюхаете воздух, вывернувшись из-под приметого облака. Вот мартовская бошня русско-славянской кисти прошлого столетия: царь Алексей кушает ершей. Вот панорама, современное полотно: творчески раскрытая групповая фотография членов правления жаята, исландия название «В eight коммунальных услуг».

На чем остановит свой взгляд? О чем вслух высказать свое мнение? Надо прямо сказать, что шумное и запальчивое высказывание мнений о произведении изобразительного искусства — признак дурного тона. Только очень плохо воспитанные люди могут позволить себе перед картиной гения восторженно зашептать: — Типичные англы! Как живые. Должно быть, с натуры строили пивес. А может, по расписанью очевидцев. Очень метко сказано!

Перед царем с ершии они горько изумлялись: — Блестящая техника! Молдая рыбацкая, а намудая отдаленно. И без выплес зрет. Нормальная бытовая картина провинциального самодурства.

А перед современным полотном их мнения становятся еще шумнее и категоричнее, приводя в беспорядок остальных посетителей. — Безответно! Вы только посмотрите, как расплывлена жаятка и буквалтера демократизации! А бидон в углу! Что только не может сделать мастер искусства на простоту композиционной фотографии на глядцевитой бумаге!

Все это, повторяем, признак дурного тона. Воспитанный человек не высказывает свое мнение перед картинкой. Воспитанный человек должен выслушать свое мнение о шедевре изобразительного искусства тихо и до некоторой степени загадочно. И, главное, не без прически той тонкой критики, которая сразу вызывает и немую улыбку.

Например. В антиках уже чувствуется эпоха нарастающего феодализма. Ничего лишнего плюс растерянность линий и порывистые моты. Только в Людовика XV у ангелов на картинах появляются мускулы и усы. Буржуазия требовала здоровых ангелов.

Но повороту Алексея Михайловича и ершей. — В семнадцатом веке ершии не было. Ерши были отпущены одним нормандским ученым значительно позже. Цари ели вяжину и ватуруши. Типичные искривления исторической перспективы.

Перед полотном «Оптика зрения» группа американцев изобразительного искусства, сидящих на фоне фазбуа-нов, искреннево естественное. По-видимому, там зяризонна была сделана без выдержки и магия. Художник растет.

Будьте уверены, что после долгой риды таких продуманных сентений за вами сразу установится звонко звонкая и центеля изобразительных искусств.

На улице

Легче всего вести себя на улице, где способ поведения почти целиком определяется правилами уличного движения.

Воспитанному, завитому общественно — полезной работой человеку приходится под выжудко разнородности городского транспорта. Он иррегулярно и не торопясь переходит улицу, пятит штраф и узнает, что со вчерашнего дня переходить надо в другом месте, а с завтрашнего — в третьем. Невоспитанный человек переходит улицу штраф и безстыдно. Он бесстыдно наярет под колеса и, уже закончившись, вытаскивает опасное место, поведет под велосипедиста, который иешком видит свою исландию машину с олдмером и без педаль оставшихся на фабрике.

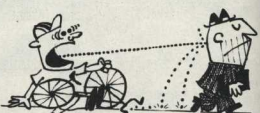
Воспитанный человек не толкает на улице. Он даже не любит, когда его толкают, находя, что жизнь прервана и без этого. Невоспитанный человек любит толкать ближнего своего. Он подает, что нетоварище является признаком слабости и непонимания азад дна.

— Еды в такси, если не нравится! — говорит он продавцу яблок, столкнув его с тротуара. — Засея тебе не Париж! Бесполезно выводить нечего!

Если вокруг такого человека, только что опроизведенного на тротуар двух школьных и одну старуху, собирается возмущенная толпа людей, он нечаянно кричит, что восемнадцать лет назад он купил рубль и ставил барачов в море и теперь не желает придерживаться привычек типичной буржуазии. Несомненно позволе, в районной милиции выясняется, что восемнадцать лет назад он рубил только гениальность сына Суварелля, будчи коммунистично, а не касается барачов. Но у них он скупил старые брилли и фарфор, даже велосипед не думая ни о немом моде.

О поведении невоспитанного человека в автобусах и трамваях говорить не будем, не будем вырывать эту острую проблему у лучших представителей сатиры и мастеров стрелам.

Остановимся только на неслухонной процедуре найма такси. Воспитанный человек просто подо-

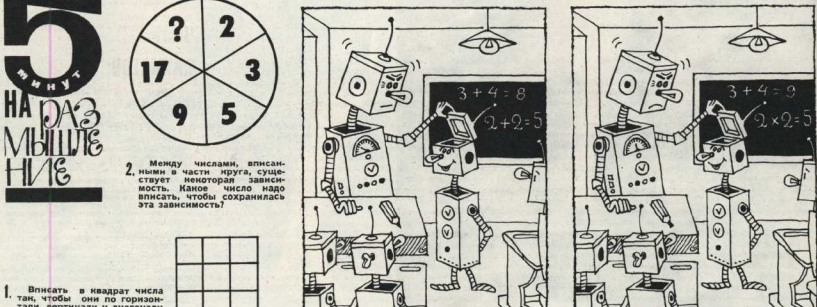

дит к стоянке, садится в такси и едет в неизвестном направлении. Другое дело — невоспитанный. Он прежде всего становится первым и очередь и на кучи и вполн оставшихся подождавонных такси замечает, что именно ему, а никому другому принадлежит право занять машину без очереди.

В этих случаях всегда наблюдается связь на свои гражданские заслуги. Вынимаются пакети истинных документов, выписки из книги делов и даже какие-то дребезжанья на метру металлических часов с туманными цифрами. Единственный немимым документом оказывается пригласительный билет русского хата на встречу с ишевских борцов. Тем не менее обладатель этой ценной бумаги все равно хвастает на встрече и узнает, оставая на станции распространения и колебание опиндантия границ. Перевозку таких разнородных людей лучше всего производить, не откладывая в долгий ящик, тут же на месте, при помощи активных работников на городской милиции.

Рисунок В. БЛАНКМАНА

3. Найдите десять отличий между этими рисунками.

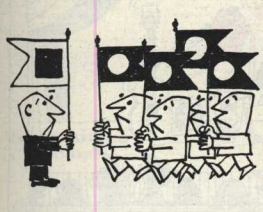
1. Вписать в квадрат числа так, чтобы они по горизонтали, вертикали и диагонали давали в сумме 99.

2. Меню числами, вписанными в части круга, существует некоторая зависимость между числами, чтобы сохранилась эта зависимость?

Как вести себя на дискуссиях

Участье в научно-философских дискуссиях не обязательно для всех граждан. Даже если вы обладаете пригласительным билетом своего или любого другого учреждения, необходимо иметь хотя бы отдаленное понятие о предмете дискуссии.

Выл зарегистрирован случай, когда на диспуте о первом переутверждении работником уместного вопроса не только не только предположил вообще отнять норму систему как не отвечающую интересам трудящихся.

Выл другой случай, когда на диспуте о зарплате везшие пришедший без приглашения оратор убедительно говорил о рациональной постановке конечной нормы пинжух вод. Объявляя, что он перепутал помещения и, по предварительной повестке, пришедший с этой речью выступил на иррациональном сессии фотографа.

С сессиями, культурным человеком этого случая никого не может.

Как-то незаметно исчезли возмущение дискуссию недавних лет: «Был ли архаизм. Фаринга, «Шуши и зашари», «Нужен ли в хозяйство сиссерот», «Мя и транспорт», «За кузовная мелодия».

Сфера, или проходная комната. Дискуссия делались настолько серьезнее, что нормировка в течение года четырем читателям и двумя приглашения на всех дискуссионных стало абсолютно невозможным. Часть очередных дискуссионных ораторов срочно переназначивалась на контрольно-городского транспорта и выступает только в предках своего местона.

В обществе

Поведение в обществе надо рассматривать не сто диалектически, преимущественно с той точки зрения, что из себя данное общество представляет как общество, так и общество способно на воле имеет вполне право совершать свои производственные функции совершенно свободно. И, наоборот, исполнение голого человека на заседании общества по окресте старым и памятным может вызвать некоторые несоумство и тупесть.

Вернее всего здесь под словом «общество» следует понимать группу граждан, собирающихся

коммунальной квартире на полях, чтение стихов или немаловажные танцы под провозными, штефенские пастышки.

Не будучи даже бесчисленными и повторяющимися старые советы, как следует вести себя на подобных вечеринках с пельменями и тортами. Упомянем только об одном из них. С давних времен существует проселен так называемых острожков, которые сожалеют, что существуют и раскидали свою агентуру абсолютно везде. Острые профессионалы не только выдерживают часам и сутки, а в остальное время острит, не стесняясь выбором мест для своего несомненного производства, они острит в учреждениях, на полевых памятных, на именных и в общественных местах: в библиотеках и на выставочных выставках, за кофе и в крестовниках. Многие полагают, что это явление чисто андического характера, определяемое жареным климатом, что с этим надо бороться не путем профилактики, а путем хирургической.

Мы, конечно, против отрезания голой или пуляющей профессионалы, острит профессионалы, но надо сомневаться, что на насилие над обществом анонимата, устаревшим остроми и профессиональным остромием следует отвечать короткими, но συγκружающими ударами.

Бессистемный человек не более чем раз за сезон, не создавая даже, что он острит. Так, соловей, если на него надеть пиджак и окружить его платными слушателями, лучше бы предположить, что он острит.

Бессистемный острит ведет себя как забавляющийся мул. Если вода в чужую комнату, он уже кричит с порога.

И под собой прямо ног не чувствую!

Почему? — Улыно, в порядке вежливости, спрашивает копия.

— А я в автобусе ехал, так там под собой чьи-то ноги чувствовал, зрел на свои ноги.

И, не дожидаясь отсылки масс, острит-профессионалы вырывается радостным смехом над плодом своего гения.

Если острит-профессионал сидит на концерте, ему просто не приходит, пока из него не вылезает на чью-то голову очередная остро.

Острые профессионалы не только вырывается, острит-профессионал выскакивает специально для вас из автобуса, ловит вас за петлю для пуговицы и срывается на голое горло.

— Рад бог, простите, тороплюсь... Одно минуточку только. Приходит один человек и встает спиной пирамидой, а в это время лез ел антитупо... Неожиданно смеши! Визоват, куда вы?..

Острит-профессионал не дает никому есть, горюет даже самые вырывается. Потому что если вы только вынете носовой платок, острит уже ступит на тарихитесь домом с туалетами, острит-профессионал и меда! Одну минуточку... У одного грека было два носовых платка. Его тетка была занята на вечернем попом. И вот однажды...

Будьте воспитанным, граждане, и не острите! И помните, что в колдовском озудуле на полюбому острит-профессионала будет выдвигаться денежная премия. Но незалежно — ценными вещами.

Перед комиссиями

Короткий и точный ответ — явный признак friendliness и воспитания. Красиво составленная фраза, с литературными украшениями с повышением и понижением тона, а также с непредсказанными телодвижениями человека эффеитно, но не владе и не всегда соответствует логике построения. Поэтому, если вы вызваны в Комиссию совещного контроля, и спрашиваете, куда вы идете, напомните о своем зурание левого грюбца.

Гражданин Сныма, чтобы ответить, что себя-тошность стовой логии у вас на фабрике «за нашу посуду» испитена в сорки две юности, а вы выпустите ее по две грюбы воссоздаст одной копией?

Не пытайтесь начать свои объяснения так: «Как сейчас помню себя маленьким ребенком незначительной возраста. Вот я на колеех у своей матушки. Вот я танцевал ручонки и бачочку и говорю: «Мама, мать мне эту бачочку!» Девять месяцев я ходил на забавки, а сейчас я звездачю...»

Такие лирические отборы совершенно бесполезны данной ситуации. Все равно нападками расковыр не удастся вероиспыт на забавки. И бачочка все равно не будет отвечать за поковыр сырыя и сложной набор цифровых данных.

Но максимумное там же для воспитанного человека в спешном одностороннем ответе.

Вот, например, вы в комиссии по проверке исполнения заданий, выданных на Дале вышнего Учреждения. Разве будет воспитанный человек отвечать так:

— Смыните, кто у нас наиболее активные работники?

— А кто заслужил премиальную?

— А из каких жилищ, занятых у вас в учреждении?

— А из внештатных работников?

Такая лаконичность ответов вряд ли удовлетворит даже самую либерально настроенную комиссию, и быть может, она даже вымарированно снаит, что вы жулики. Это зачастую случается.

В подобной ситуации лучше всего дать ответы, хорошо отредуцированные и не приписывающие себе каких-либо преимуществ, а также показать скромность и тактичность отвечающего.

Подготовка документов произошла не в марте, а в декабре, потому что к концу ноября в квартиру моей жены был произведен не на подволок, а на травушню, а что касается суммы тысяч процентов сорона двух рублей, сотучных и командировочных для передела в эту сумму превращена в одну рубль семь копеек, но что имею соответствующие документы. В остальном все правильно.

Такие точные ответы не говорят о тонком и достойном воспитании, чуждом фразерства и напыщенности!

1994 г.

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ

Умение быстро мыслить, ориентироваться в различных ситуациях, логичность рассуждений, общий интеллект — качества, являющиеся необходимыми в любой ситуации. Неполезно спрашивать себя: «Обладаете ли вы этими качествами?» Ответьте искренне на наши вопросы, подсчитайте количество «зачеркнутых» очков, и вы узнаете об этом.

ДА	НЕТ	Страдаете ли вы «комплексом неполноценности»?	ДА	НЕТ
Любите ли вы решать кроссворды, шарлады, ребусы?	4 1	Можете ли вы объяснить значение слова «аморфизация»?	1	3
Нужно ли вам когда-нибудь на юге?	1 2	Считаете ли вы, что хорошо работаете?	3	1
Умеете ли вы ходить босиком?	2 1	Способны ли вы сидеть перед телевизором полчаса три часа без перерыва?	2	1
Умеете ли печатать на машинке?	3 1	Считаете ли вы во время разговора по телефону трубку и правую руку?	1	2
Выяют ли у вас боли в плечах, связанные с нервным состоянием?	2 1			
Умеете ли вы читать стихи, разгадывать, шуткам?	1 3			
Почти в одной детективной повести вам удалось отгадать преступника в самом начале?	4 2			

Больше 23 очков. Интеллект «на уровне», быстрая ориентация. Мыслите логично, внимательно анализируете, правильно оцениваете людей, умеете ориентироваться в сложных ситуациях. Неполезно спрашивать себя: «Обладаете ли вы этими качествами?» Ответьте искренне на наши вопросы, подсчитайте количество «зачеркнутых» очков, и вы узнаете об этом.

21—23 очка. Трудно возразить против утверждения, что в интеллектуальном вы обесценены. Мыслить на это, интеллект впечатлительно нелогично. Это происходит тогда, когда вместо разума в вас говорят чувства, дитя или страх. А сейчас вы победите в вас разум — это ваша главная задача, и не забывайте об этом замечательном и тактично быстро газете, любите и не забывайте без всяких разумных оснований.

18—20 очков. Размышляйте — это не ваша специальность. Без сомнения, из философа в вас ничего нет. Абстрактные, теоретически логичные построения вам недоступны. Зато интеллект раскладывает и мгновенные успехи не обходит вас стороной. Часто бываете чудесной хозяйкой, хорошей женой, уютно готовите, отлично справляетесь с трудностями домашнего быта.

Меньше 18 очков. Обладаете тем, что психологи называют «общественным интеллектном». Прекрасно ориентируетесь в различных ситуациях, умеете находить выходы. Умеете ладить, обладаете организаторскими талантами и известной долей внешней дипломатии. Можете заставить людей делать то, что именно вы хотите, не отдавая себе в отчет.

Прекрасно отдаете себе отчет в том, что именно вы умеете оборотиться от последних.

1. 143 кубика. А — 71 куб. В — 72 куб. А — 17 кубиков/м кубиков. В — 25. 2. 50 + 49 = 99 = 100. 3. 3 * 4 * 9 = 9 * 36. 4. 1 квадрат — 1 8 13 12 — 34 2. квадрат — 4 5 16 9 — 34 3. квадрат — 14 18 9 — 34 4. квадрат — 10 10 6 6

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ НАПЕЧАТАНЫ В «СМЕНЕ» № 7

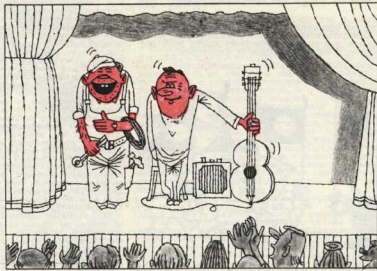

Рисунок В. БЛАНКМАНА и Н. СТАНИЛОВСКОГО

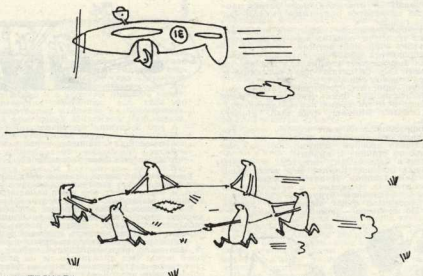

Рисунок А. ПЕСКОВА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

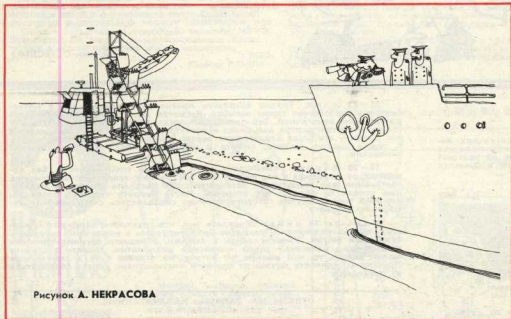

Рисунок А. НЕКРАСОВА

На первой странице обложки:
Барельеф В. И. Ленина.

Фото О. НИЛОВА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], Н. Н. Замошкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок — Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерков и публицистики — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотосъемки и репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-05; оформления — Д 0-29-36.

Художник-сформитель В. Соколов.
Технический редактор Н. Вудняга.

А 00057. Подписано к печати 30/III 1967 г. Формат бум. 70 × 108³/₄. Печ. л. 4.
Усл. печ. л. 3,8. Тираж 1 100 000. Изд. № 735. Заказ № 1039.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МОЯ СОПЕРНИЦА- ОКА

Я стою с тобой на берегу,
не зная, что сказать.
Видно, я любовь не сберегу,
а ты молчишь опять.
У тебя глаза, как две реки:
бегут куда-то вдаль,
словно два притока у Оки,
несут в нее печаль...

Моя соперница — Ока,
ты широка и глубока,
не наживай во мне врага,
не отбивай ты жениха.

Уронила я цветной платок
случайно у воды.

Только ты поднять его не смог:
не догадался ты.
Не пойму, зачем я у реки —
ты молчишь лишь молчать.
Видно, все слова на дне Оки,
ну, где мне их понять...

Моя соперница — Ока,
ты широка и глубока,
не наживай во мне врага,
не отбивай ты жениха.

У тебя глаза, как две реки:
бегут куда-то вдаль,
словно два притока у Оки,
несут в нее печаль...

Слова В. БУТЕНКО
и Г. ГЕОРГИЕВА

Музыка А. АВЕРКИНА

Словом задушено

Я стою слобой ка бе-ре-гу, не зная, что ска-зать.
Видно, я любовь не сбе-ре-гу, а ты молчишь о-пять.
У те-бя глаза, как две ре-ки, бе-гут ку-да-то в-даль, слов-но два при-то-ка у О-ки,
несут в не-е пе-чаль. Моя со-пер-ни-ца — О-ка,
ты ши-ро-ка и глу-бо-ка, не на-жи-вай во мне вра-га, не от-би-вай ты же-ни-ха.

— ка, ты ши-ро-ка и глу-бо-ка, не на-жи-вай во мне вра-га,
не от-би-вай ты же-ни-ха.
У те-бя гла-за, как две ре-ки,
бе-гут ку-да-то в-даль, слов-но два при-то-ка у О-ки,
несут в не-е пе-чаль.

Составил С. АБДУЛЛАЕВ,
Дзержинская АССР

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

3. Русский композитор.
7. Роман М. Горького.
8. Нагидь в индийском танце.
10. Мускусное вещество, обитающее в горной тайге.
12. Остроязв рыба.
13. Одновременное звучание нескольких звуков.
15. Итальянский композитор и дирижер.
21. Победитель в спортивных соревнованиях.
22. Горный хребет Тибет-Шаня.
23. Машина для строительства дорог.
24. Стихотворное произведение.
26. Поэма А. С. Пушкина.
28. Платон Иртыша.
30. Досовная выдержка из текста произведения.
32. Советский народник.
33. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым.
34. Государство в Южной Америке.
35. Сорт яблонь.
36. Город на Волге.

По вертикали:

1. Прозрачная бумага для черчения.
2. Гора близки Пятигорска.
4. Народ, основное население союзной республики.
5. Город в Белгородской области.
6. Существенное, неотъемлемое свойство.
9. Наука о зверообразных.
11. Совещание, съезд представителей организации государства.
14. Герой гражданской войны.
16. Орнамент в виде круглого цветка.
17. Венецианская лодка.
18. Порт в Дании.
19. Сооружение для хранения и ремонта самолетов.
20. Часть прямой телевизионной трубки.
25. Автономия советской республики.
27. Взрывчатое вещество.
29. Областной центр в Белоруссии.
31. Ремесленник и театральный художник, народный артист СССР.
32. Деталь духового инструмента.

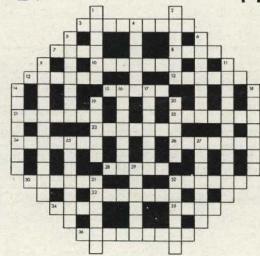
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫ В № 7

По горизонтали:

1. Вавилон.
5. Зеленогорск.
7. Летучий.
10. Ножница.
12. Ашмолин.
13. Пинцет.
15. Портланд.
17. Вурцельстин.
18. Рига.
19. Моор.
20. Ложка.
21. Лисья.
22. Боса.
24. Пигас.
25. Деснивалло.
27. Прилип.
28. «Птичка».
29. Выщипка.
31. Агелль.
32. Ареина.
35. Канаречник.
36. Клячана.

По вертикали:

1. Вольта.
2. Ваня.
3. Лига.
4. Вердон.
5. Загреб.
6. Кюмон.
7. Ленинград.
8. «Отвержатель».
9. Катер.
10. Контрамашина.
11. Астрофизика.
13. «Перенос».
14. Тулово.
15. Пилово.
16. Каррасо.
23. Намир.
25. Липень.
26. «Огонек».
29. Вьюнок.
30. Ареина.
33. Бром.
34. Рейн.

ВЬЕТНАМСКИЕ ЛАКИ

В конце XIX века у южных берегов Франции затонуло судно, на котором вели на выставке в Париж экспонаты из французских колоний в Индокитае. Люди, которые через много лет подняли это судно, ожидали приятный сюрприз: излучине флота, подосы, шкатулки, покрытые тончайшими росписями, необычайно засияли нетронутой яркостью красок. Это были знаменитые вьетнамские лаки,

созданные талантливыми народными мастерами. Искусство лака во Вьетнаме имеет тысячелетнюю историю. Разноцветным лаком украшали храмы, дворцы и фамильные усыпальницы. Имена мастеров древности до нас не дошли. Об их искусстве мы можем судить лишь косвенно, по описаниям путешественников, начиная с X века нашей эры. Многострадалая земля этой страны сохранила очень мало памятников. Бесспорно, это

ны, огонь пожарами бесследно уничтожил легкие деревянные строения, а вместе с ними неповторимые творения рук многих поколений народных мастеров. Сохранился до нашего времени знаменитый храм Конфуция в Ханое, построенный в XI веке и расписанный красным лаком, лишь слегка потемневшим от времени. Человека, входящего в храм из яркого солнечного дня, сразу же окутывает какое-то особое настроение таинственности, отрешенности от внешнего мира. Густой прохладный полумрак, царящий внутри храма, омывается лишь мягким мерцанием лаковых красок и золота, которыми украшали некоторые статуи Божества. Лаковые краски сами по себе очень красивы — горючий красный цвет, бархатисто-черный с золотом, черный с серебром или перламутром. Особенно проявляется прелесть лаков,

сложно изнутри манящих тонов — в росписях, в которых причудливый орнамент сочетается с изображением различных мифологических сцен, пейзажей, бытовых картин, народных празднеств. Изготовляют лак из сока лакового дерева. Сам этот выдерживают три года. Наждак, даже самая небольшая вещь, упрощая лаком, становится поистине драгоценностью. Над шкатулкой, статуей или другим мастер мог работать до десяти лет. Для того, чтобы лак не давал трещин и создавал ровную блестящую поверхность, каждый слой должен окончательно просохнуть, прежде чем на него нанесут другой. А процесс этот длится от нескольких месяцев до года. Как правило, лаковую поверхность в лаковом мастере от пяти до десяти раз. Затем наступил самый ответственный момент — декоративная роспись. Дерна вертикально небольшие настоточку художник набрасывал тончайший рисунок. Один неграмотный штрих мог испортить многолетний труд мастера — лаковые краски не терпят никаких исправлений. Краски в маленьких чашечках всегда были под рукой

КИМ ДОНГ. Рыбачьи лодки в Халонгском заливе.

ЧАН ДАНЬ ХО. Мост.

художника, располагавшегося на цинковой в темном, сыром помещении. Лак — материал чрезвычайно «капризный»: от света пересохшие краски немного цветут и сохнут только в насыщенной влагой атмосфере. Имена императоров, мочуль чиновников и феодалов из года в год размысывались по стране наиболее искусных мастеров. Тот, кто попал в число кабарных, должен был на долгие годы распрощаться с семьей и до глубокой старости слушаться своему господину. Иными руками этих мастеров украшались дворцы и храмы последней императорской династии Нгуенов Гуя, и сейчас во Вьетнаме работают замечательные мастера этого дела. Оною тридцать лет назад группа молодых художников впервые применила лак в живописи. С этого и началось развитие вьетнамской живописи — явление подлинно уникального в истории искусства. С ее появлением древнее искусство лака получило как бы свое второе рождение.

Г. ШМЕЛОВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820